

Часть I

экономическая мысль

ЭПОХИ РАБОВЛАДЕНИЯ

Современный читатель древних манускриптов встречается по меньшей мере с двумя объективными трудностями. Первая из них состоит в том, что, обращаясь к письменным текстам далекого прошлого, мы вынуждены признать, что в них очень мало того, что могло бы быть названо экономической мыслью в строгом смысле слова. Вторая трудность заключается в том, что читатель, имеющий дело, как правило, с переводами, постоянно чувствует, что глубинный, внутренний смысл этих документов оказывается недоступным, ускользает от него. Это прежде всего относится к экономической мысли древнего мира, которая предстает перед нами окутанной богатым воображением полупервобытного человека и религиозным мистицизмом.

Вначале остановимся на условиях возникновения и развития экономической мысли.

Наши далекие предки не противопоставляли четко общественные закономерности природным. Первобытный человек остро чувствовал свое единство, свою слитность с природой. Он нередко характеризовал естественные, природные процессы в терминах, заимствованных из обыденного языка, а общественные явления рассматривал как результат действия природных сил.

С течением времени происходило накопление производственного опыта. Он передавался из поколения в поколение, через родовую память. Память первобытных коллективов обладала богатым воображением, мысль переплеталась с эмоциями, рациональное мирно уживалось с иррациональным. Складывающиеся представления о мире, передаваясь из уст в уста, дошли до нас в мифах древних народов, в сказках и легендах, в устном народном творчестве. Серьезные исследования мифо-поэтического творчества первобытных людей, систем их представлений о мире, начались лишь в XX в. Однако при этом внимание ученых было обращено прежде всего на особенности

общественного сознания и законы мифологического творчества, взгляды древних народов на пространство и время, на отражение этих представлений в изобразительном искусстве. Анализ экономических представлений как составной части архаического мышления еще ждет своих исследователей. В настоящем издании эти вопросы анализируются лишь в той мере, в какой они нашли отражение в письменности. Последняя же является одним из атрибутов цивилизации, поэтому исследование экономической мысли начинается с анализа экономических представлений народов, у которых сложились первые классовые общества и государства.

В. И. Ленин в работе «Великий почин» определяет классы как сложное социальное явление, характеризующееся определенным набором признаков¹. Исторически и логически становление отдельных признаков классов, в особенности таких определяющих, как отношение к средствам производства и роль в общественной организации труда, происходило неравномерно. В одних случаях становление собственности господствующего класса на средства производства опережало захват ключевых функций в общественном разделении труда, в других — наоборот. Не случайно Ф. Энгельс пишет в «Анти-Дюринге» о двух принципиально отличных друг от друга путях возникновения классов. Первый из них он связывает с возрастающей самостоятельностью общественных функций по отношению к обществу, с монополизацией их роли в общественной организации труда². Отношение к средствам производства выступает здесь как вторичный, производный момент. Собственность господствующего класса на средства производства (землю, воду и т. п.) закрепляется и оформляется позднее.

Второй путь образования классов Ф. Энгельс связывает с развитием собственности отдельных семей на средства производства и на рабочую силу — рабов³. Роль господствующего класса в общественной, организации труда (а не организации частного производства) здесь вторична по отношению к средствам и условиям производства (характерный пример оформления подобного типа отношений — реформы Солона в Афинах

и Сервия Туллия и Древнем Риме).

Страны первого пути становления классов являются «>0|цествами азиатского способа производства, а второго пути — обществами античного способа производства. Это предопределяет глубокие, принципиальные различия

в развитии народов древнего Востока, с одной стороны, и античного мира — с другой. Естественно, что характерные черты социально-экономического и политического развития древневосточных и античных обществ не могли не предопределить особенности развития их экономической мысли.

Письменные источники, позволяющие судить об экономической мысли древнего Востока, с известной долей условности можно разделить на две большие группы: непосредственно отражающие хозяйственную деятельность и представляющие попытку осмыслить эту хозяйственную деятельность.

В письменных источниках, относящихся к первому типу, фиксировались данные, необходимые для управления государственным хозяйством, и отражалась повседневная хозяйственная практика. Это переписи населения, земельные кадастры, многочисленные документы хозяйственной отчетности и различные юридические акты, оформлявшие имущественные отношения (покупка земли, скота, средств производства, рабов, наем работников, долговые обязательства и т. д.).

Другой тип письменных источников появился в древнем мире далеко не сразу. Первоначально осмысление хозяйственной деятельности происходило в рамках общего мифо-поэтического творчества. Чтобы понять суть этого явления, кратко охарактеризуем основные типологические особенности древневосточной духовной культуры.

Экономические представления жителей древнего Востока, как и представления первобытного человека, были включены в синкретическую, религиозно-мифологическую систему взглядов. Древневосточная литература наполнена многообразными иносказаниями, символами. Это обусловлено не только общим уровнем развития культуры, но и самим характером письменности, которая была не фонетической, а иероглифической. Для того чтобы обучиться такому письму, требовались долгие годы. Поэтому письменность была делом избранных, понимать таинственный характер знаков могли немногие. Кроме того, сама система взглядов была глубоко символической. Неудивительно, что каждое древневосточное сочинение оставалось в некоторой степени иероглифом, сохраняло иносказательный характер символа, знака. Ему придавались традиционные, переходящие из поколения в поколение, фетишистские формы, что также усиливало его символический характер (древнеегипетские «Поучения», древнеиндийские «Дхар-машастры» и т. д.).

Характерной чертой древневосточной литературы является ее государственно-нормативный характер. В этом своеобразно отразился строй древневосточных деспотий, в которых человек терялся в толпе подданных. Действительность в письменных источниках отражалась главным образом в той мере, в какой она имела непосредственное отношение к царю. Повествование ведется прежде всего от имени фараонов, царей, деспотов, крупных чиновников и высокопоставленных придворных. Поэтому действительность в письменных источниках характеризуется с позиций этих привилегированных особ.

Важное место в древневосточных источниках занимают вопросы организации и управления государственным хозяйством («Артхашастра», «Гуан-ь-цзы», свод законов «Тайхорё» и др.)- Поэтому многие письменные источники носят нормативный характер, в них отразилась суровая дисциплина всего восточного общества (регламентация хозяйственной жизни, нормирование труда, быта царских земледельцев и ремесленников и т. д.). Отсюда и дидактический настрой даже той литературы, которая формально имеет «частный» характер («Поучение Ахтоя, сына Дуау-фа, своему сыну Пиопи», конфуцианские «Беседы и суждения» и т. п.). Догматический характер древневосточной литературы состоит также в том, что для нее типичен как традиционализм формы, так и априорное, бездоказательное содержание. «...У мифа нет той универсальности и ясности, которая присуща теоретической формулировке. Он конкретен, хотя и претендует на

неопровержимость своей правоты. Он требует признания от верующего и не претендует на оправдание перед судом критикующего»⁴.

Глубокий и всесторонний символизм характерен не только для раннего периода развития экономической мысли древнего Востока, этапа древних цивилизаций (Египет Древнего и Среднего царств, Шумер, Аккад и др.), но и для более позднего периода, этапа существования «мировых» держав (Ассирия, держава Ахеменидов и др.).

На протяжении всей истории древнего Востока в центре экономической мысли находились проблемы, связанные с организацией государственного хозяйства и управлением им. Они включали в себя не только организацию собственно государственного (царско-храмового) натурального хозяйства, но и государственную регламентацию товарного хозяйства, возникшего в порах этого общества.

Организация натурального хозяйства предполагала учет условий производства (работников, земли, зерна), соблюдение пропорций между отраслями, и прежде всего между сельским хозяйством, ремеслом и торговлей, создание страхового фонда (амбарная система в Китае и аналогичные формы в Древнем Египте, Шумере и т. д.), а также заботу о расширенном воспроизводстве (строительство ирригационных сооружений). Государственная регламентация товарного хозяйства осуществлялась как непосредственно (путем фиксации цен, монополизации отдельных отраслей и т. д.), так (что было гораздо реже) и с помощью косвенных мер (путем изменения уровня налогообложения, через продажу части государственных запасов и др.).

По мере укрепления частного владения и собственности отдельных лиц, развития товарно-денежных отношений и рабства объектом экономической мысли становится частное хозяйство должностных лиц. Однако о нем мы можем судить главным образом по юридическим документам, отражавшим имущественные отношения (законы Хаммурапи, среднеассирийские законы, хеттские законы и др.).- Частное хозяйство, проблемы его организации и эффективности не стали еще предметом специального экономического исследования.

К числу несомненных достижений древневосточной экономической мысли следует отнести появление самостоятельных, специальных сочинений, посвященных управлению государством и государственным хозяйством («Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара», «Артхашастра», «Гуань-цзы»), а также произведений, направленных на поддержание стабильности в государстве и обществе («Беседы и суждения», «Мэнцзы», «Фуго» и др.). Не случайно древнегреческие и римские писатели неоднократно стремились осмыслить и обобщить этот опыт. Проект совершенного государства Платона Маркс назвал афинской идеализацией египетского кастового строя⁵.

Значительны успехи древневосточной мысли и в становлении конкретных экономических дисциплин (учета и анализа хозяйственной деятельности, статистики, аграрной науки, управления), которые получили дальнейшее развитие в эллинистический и римский периоды. Наконец, не следует забывать, что именно в этих древних цивилизациях были заложены основы экономических воззрений ученых средневекового Востока, что именно их представителями были сформулированы узловые положения, которые постоянно комментировались и развивались последующими поколениями.

Важнейшей предпосылкой развития античной культуры является возникновение античного полиса, своеобразного города-государства, основу которого составляла городская земледельческая (гражданская) община. Античный полис возник в Древней Греции и Древнем Риме в ходе борьбы мелких свободных производителей с родовой знатью. В результате этой борьбы было отменено долговое рабство для членов данной общины, которое стало отныне уделом иноплеменников. Полис представлял собой объединение частных собственников, направленное против рабов, неполноправных жителей (метеки в Афинах, пери-эки в Спарте, вольноотпущенники в Риме и т. д.) и внешнего варварского мира.

Феномен античного полиса объясняет многие характерные особенности античной

культуры, предопределившей своеобразие развития экономической мысли. По сравнению с древневосточной античная культура носит более рациональный и демократический характер. Эту культуру создавали свободные граждане города-государства. Греки освоили и развили изобретенное финикийцами фонетическое письмо, что значительно облегчило широкое распространение грамотности среди граждан. Свободное, публичное обсуждение выдвигаемых идей, проектов предопределило светско-рациональный, доказательный характер экономической литературы. В этом обществе всесторонний характер развития личности граждан становится одной из важнейших целей производства, а личность выступает как главная форма богатства. «Поэтому древнее воззрение, согласно которому человек, как бы он ни был ограничен в национальном, религиозном, политическом отношении, все же всегда выступает как цель производства,— писал Маркс, сравнивая античное общество с буржуазным,— кажется куда возвышеннее по сравнению с современным миром, где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства»⁶.

Источниками античной экономической мысли периода ее расцвета являются законы города-государства (законы Солона, так называемые законы Ликурга и др.), публичные выступления и трактаты философов, историков, знаменитых граждан. Лишь позднее появляются специальные, главным образом политические, произведения, в которых важное место занимают и экономические вопросы

(«Домострой» и «О доходах» Ксенофонта, «Государство» и «Законы» Платона, «Политика» и «Афинская Политика» Аристотеля и др.).

Необходимой предпосылкой существования античного полиса было сохранение равенства между его гражданами как независимыми друг от друга частными земельными собственниками. Однако в условиях имущественного неравенства и рабства такая предпосылка часто нарушается. Между бедными и богатыми постоянно воспроизводилось противоречие, от которого античный полис никогда не мог освободиться. Время от времени возникали проекты перераспределения земельной собственности путем ограничения крупного землевладения и расширения мелкого (проекты спартанских царей Агиса IV, Клеомена III, На-биса; реформы братьев Гракх в Древнем Риме и др.).

Важным достижением античной экономической мысли явилась разработка основ натурального («Домострой» Ксенофонта) и элементов товарного хозяйства, в частности вопроса о форме стоимости («Никомахова этика» Аристотеля). Последовательное разграничение натурального и товарного хозяйств привело Аристотеля к созданию учения об экономике и хрематистике («Политика» Аристотеля). Основу греческого общества в это время составляло натуральное хозяйство, поэтому Аристотель исходит из экономики, к которой относит и розничную торговлю, поскольку в ней решающую роль играла потребительная стоимость. Аристотель критически относится к хрематистике, считая, что «искусство делать деньги», функционирование торгового (оптовая торговля) и ростовщического капитала имеет «источником богатства обращение». Вот почему хрематистика, с точки зрения Аристотеля, противоестественна.

В центре римской экономической мысли находились вопросы организации частного рабовладельческого хозяйства и управления им и частной собственности. Римляне отличались практическим складом ума, и их практицизм проявился прежде всего в скрупулезной выработке разнообразных рекомендаций по организации рабовладельческой виллы и управлению ею — типичным хозяйством средних размеров зажиточных граждан. Наиболее полное развитие эти вопросы получили в трудах римских агрономов Катона («Земледелие»), Варрона («Сельское хозяйство») и Колумеллы («Сельское хозяйство»), в энциклопедическом сочинении Плиния Старшего («Естественная история», книги XIV и XV). Тема частной собственности разрабатывалась римскими юристами. «Римляне, — писал К. Маркс,— собственно, впервые разработали *право частной собственности*, абстрактное право, частное право, право абстрактной личности. *Римское частное право есть частное право в его классическом выражении*»⁷. Важнейшей проблемой, которой занимались ученые

античности, было рабство. В трактовке рабства античное общество прошло длинный путь от оправдания его как удела варваров», как «одушевленного орудия труда», как «имущества, приносящего доход» (в трудах Аристотеля) до критики этих положений и признания принципиального равенства между всеми людьми (в идеях первоначального христианства). Возникшее как религия отверженных; униженных и оскорбленных, раннее христианство впитало и себя мечты о равенстве и справедливости, о честной и трудолюбивой жизни. Христианская церковь явилась важным социальным институтом, способствовавшим становлению западноевропейского феодализма, сохранившим для него многие достижения античной культуры. Однако и гораздо более полном объеме античность была вновь открыта гуманистами, и ее экономическая мысль послужила важной идейной предпосылкой экономических взглядов нового времени — времени господства капитализма.

¹ Ленин В. И. Поли. собр. соч. Т. 39. С. 15.

² Маркс /С, Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 184.

³ Там же. С. 185.

⁴ Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Г. В

преддверий философии: Духовные искания древнего человека. М., 1984. С. 28.

⁵ См.: Маркс /С, Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 379.

⁶ Там же. Т. 46. Ч. I. С. 476.

⁷ Там же. Т. 1. С. 347.

Раздел I

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ДРЕВНЕВОСТОЧНЫХ ОБЩЕСТВ

Глава I

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

1. Материальные предпосылки возникновения и развития экономической мысли

Египет — одна из первых стран, на территории которых разложение первобытнообщинного строя привело к образованию государства. В результате объединения нижнеегипетского и верхнеегипетского царств в единое древнеегипетское в конце IV тыс. до н. э. возникло раннеклассовое общество, своеобразная государственная система земледельческих общин, для которой были характерны незавершенность процессов классовообразования, коллективные формы эксплуатации. В качестве объекта эксплуатации выступает земледельческая община, в качестве субъекта эксплуатации — ассоциация рентополучателей, непосредственно совпадающая с государством (государство и класс эксплуататоров в этом обществе совпадают).

В Египте, как и в других странах древнего Востока, возникают три основные отрасли управления: «финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению других народов, и, наконец, ведомство общественных работ»¹. Общественные работы были необходимы для постоянного регулирования режима Нила. Уже к началу III тыс. до н. э. была создана сложная общеегипетская система орошения, которую необходимо было постоянно поддерживать и улучшать. Ее организация явилась фактором, ускорившим формирование мощного бюрократического аппарата. В условиях большой централизации хозяйства, строгой регламентации процесса воспроизводства необходимы были многочисленные грамотные чиновники. Их подготавливали особые школы писцов, находившиеся при центральных ведомствах. Поэтому об экономических представлениях того времени мы можем судить прежде всего по произведениям, написанным государственными чиновниками.

Для того чтобы правильно понять место экономической мысли в общей системе древнеегипетских взглядов, необходимо хотя бы кратко остановиться на особенностях миросозерцания жителей Нильской долины. Прежде всего следует отметить, что экономическая мысль древних египтян была окутана религиозной оболочкой.

Главная особенность религиозного учения — вера и загробную жизнь. Значительная

часть материальных и духовных ресурсов страны шла на «обеспечение» за-и ровного существования (грандиозное строительство пирамид и заупокойных храмов, огромные затраты на содержание «дома вечности», расходы, связанные с обслуживанием заупокойного культа, и т.п.). Каждый мало-мальски зажиточный египтянин стремился еще при жизни построить себе гробницу (на что уходили годы и десятилетия). Кроме того, он обязан был поддерживать в надлежащем порядке гробницы предков, а также создавать специальный набор предметов, «необходимых» ему самому на том свете. Вполне понятно поэтому, что значительная часть дошедших до нас памятников письменности — это религиозная литература («Тексты пирамид», «Мемфис-ский богословский трактат», «Тексты саркофагов», «Книга мертвых», «Книга дыхания», «Книга прохождения вечности» и т. п.). Источники экономической мысли среди памятников письменности составляют ничтожное меньшинство. Основными из них являются: 1) для Раннего (ок. 3100 — ок. 2800 до н.э.) и Древнего царств (ок. 2800—2250 до н.э.) — биографии вельмож (псевдоавтобиографии); 2) для Первого переходного периода (ок. 2250—2050 до н. э.) — «Поучение гераклеопольского царя своему сыну Мерикара», «Речения Ипусера» и «Пророчество Неферти»; 3) для Среднего царства (ок. 2050 — ок. 1750 до н. э.) и Второго переходного периода (ок. 1710—1560 до н. э.) — «Повесть о красноречивом жителе оазиса», «История пастуха», «Поучение Ахтоя, сына Дуа-уфа, своему сыну Пиопи» и др.; 4) для Нового царства (ок. 1580—1085 до н.э.) — «Анналы Тутмоса III», дипломатический архив в Ахетатоне, должностные инструкции о служебных обязанностях верховного сановника, «Большой папирус Гарриса», «Папирус Вильбура», школьные поучения, юридические документы и др.; 5) для Позднего периода (ок. 1085—332 до н. э.) — архив арамейских документов из Элефантины, различные документы частного права (дарения земли храмам, договоры об аренде, найме и т.д.).

Задачей настоящей главы является не столько хронологический разбор отдельных памятников древнеегипетской мысли, сколько тематический, логический подход, основанный на выделении основных экономических проблем, которые были актуальны на протяжении всей истории Древнего Египта.

2. Вопросы организации и управления государственным хозяйством

Административно-хозяйственные документы, особенно хорошо сохранившиеся от эпохи Нового царства, являются важными памятниками экономической мысли. Они дают возможность глубоко и всесторонне охарактеризовать механизм управления государственным хозяйством в Древнем Египте, увидеть огромную бюрократическую машину в действии. Остановимся прежде всего на анализе тех документов, которые раскрывают особенности организации труда царских земледельцев и ремесленников — непосредственных производителей материальных благ.

В Древнем Египте осуществлялся строгий учет материальных и трудовых ресурсов. С этой целью периодически проводились переписи населения, составлялись земельные кадастры, учитывался скот и другие материальные ресурсы. Приведем в качестве примера стенную роспись гробницы писца войска, относящуюся к концу XV в. до н. э. Сопроводительный текст росписи гласит: «Учитывает всю страну пред его величеством [и] творит смотры ока каждого (т. е. всех людей) и численность *войска, жречества... хему царя, мастеров* всех страны всей целиком (а также крупного рогатого) скота, птицы [и] мелкого скота всего, писец войска...»²

Следует обратить внимание на то, что переписи населения осуществлялись по определенным разрядам: воины, жрецы, царские земледельцы и мастера. Истоки этой классификации восходят к эпохе первобытности, для которой было характерно деление на возрастные классы; дети (отроки), юноши, зрелые мужи, старики. Об этом свидетельствуют многочисленные источники. «[Как] вышел человек из утробы матери своей,— читаем мы в школьном поучении (Анастаси II, 7, 3—4),— [так и] согнулся перед начальником своим: отрок сопровождает воина; юношу [отдают] в новобранцы; старика постоянно дают в земледельцы, [зрелый] муж (становится) воином».

Каждый возрастной класс выполнял свои функции. Перевод в другой возрастной

класс, распределение и перераспределение трудовых ресурсов по определенным профессиям являлись прерогативой представителей государственной власти. В ходе царских смотров часть прошедших соответствующую подготовку юношей становились чиновниками (писцами), часть пополняли ряды жрецов, часть становились воинами, часть — мастерами, оставшиеся превращались в царских земледельцев («старика постоянно дают в земледельцы»). Условием повышения социального статуса царских земледельцев было получение образования или профессии, поэтому важное значение для продвижения по службе имела грамотность.

В древнеегипетской литературе мы постоянно встречаемся с поучениями — произведениями, прославляющими карьеру писца. Наиболее известным из них является «Почтение Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи». Появившееся еще в период Среднего царства, это сочинение пользовалось большой популярностью в последующие эпохи и дошло в списках иератических папирусов Нового царства времени правления XIX — XX династий. «...Неграмотность — ничто, она равносильна зависимости», — утверждает Ахтой. Между тем «... [занятие писца] превосходит любое занятие; нет равного ему в Земле этой (т.е. в Египте). [Ведь] он (т.е. писец) начинает процветать еще ребенком...»⁴. Для обоснования этого тезиса профессия писца сравнивается с другими профессиями: медника, плотника, ювелира, гончара, строителя и г. д. Все они не идут ни в какое сравнение с профессией чиновника, писца. «Смотри, — заключает Ахтой, — нет занятий, свободных от начальников, кроме писца. Он — сам начальник... Смотри, нет писца, лишённого пропитания из имуществ Дома царя, да будет он жив, цел, здоров»⁵.

«Почтение Ахтоя» — это не только обобщение житейской мудрости. Перед нами древнейшее описание социальной организации Древнего Египта. Дело в том, что противопоставление профессии писца другим профессиям, чиновничеству — народу — не просто художественное сравнение или красивая метафора, направленная на приобщение молодежи к учебе и образованию. Ахтой показывает реальную альтернативу: если его сын не станет чиновником, ему придется заняться одной из указанных профессий. Как уже отмечалось, все население Древнего Египта было разбито на возрастные классы и социальные разряды, поэтому выбора — учеба или безделье, постижение письма или праздное, беззаботное существование — не было. Чтобы занять высокое положение в государственном аппарате, мальчику необходимо было учиться. В противном случае его ожидала участь воина, жреца, ремесленника или земледельца.

В Древнем Египте учитывались не только трудовые ресурсы, но и материальные, прежде всего земля. До нас дошли документы, в которых представлены результаты периодически проводившегося учета государственных земель. Наиболее известным из них является «Папирус Вильбура»⁶. Это земельный кадастр, в котором в сжатой форме отразились результаты осмотра и обмера государственных (царско-храмовых) земель на левом берегу реки Нила в Среднем Египте, в 4-й год правления Рамсеса V (в июле — августе 1158 г. до н. э.). В «Папирусе Вильбура», составленном в период разлива Нила, даются оценки норм валового сбора зерна (эммера и ячменя) в зависимости от типов земли, величины засеянной площади, средних норм урожайности (для каждого типа земли) и числа ответственных за сбор урожая земледельцев. В этом папирусе выделяются три типа земли в зависимости от урожайности. Если урожайность худшей — «высокой» (каит) — земли взять за 1, то урожайность средней — «уставшей» (тени) — земли составит 1,5, а лучшей — «свежей, девственной» (нехеб) — земли — 2. Такое соотношение определяется степенью орошения и использования земли. Высокие (хуже орошаемые) земли составляют первую категорию, а низкие (хорошо орошаемые) земли делятся на две категории: старые и новые. Необходимо отметить, что часто ответственными за сбор урожая являлись не сами непосредственные производители, а специальные чиновники государственной власти — «агенты» фиска, которые осуществляли контроль за деятельностью царских земледельцев, следили за выполнением «семенного предписания». Важную роль в обеспечении государственных поступлений играли центральные и местные храмы. Сохранилась надпись,

которая повествует о том, как Рамсес IX хвалит «первого жреца» Амуна-Ра Аменхотепа «за исполнение», которое он «осуществил [в отношении] урожая, налогов, повинностей... людей дома Амуна-Ра, царя богов», находящегося под его контролем: «Ты доставлял их соответствующими их заданиям, ты передавал... то, что они производили, ты повелевал, чтобы образовывали они поступления сокровищниц, хранилищ, двойных житниц дома... Амуна-Ра, царя богов, за те поступления [с] голов [и] рук жителей хозяйства Амуна-Ра, царя богов... относительно которых ты распорядился, чтобы доставляли [их] фараону, твоему господину»⁷. По оценке советского египтолога И. А. Стучевского, за контроль над государственным (царско-храмовым) комплексом местные храмы получали 7,5 % урожая, тогда как централизованная часть, поступающая в государственную казну, составляла 22,5 %⁸. Собранный с непосредственных производителей рента-налог использовалась в качестве материального обеспечения огромного культового строительства, осуществляемого государственной властью. На эти средства, в частности, содержались работники службы царского некрополя. О его функционировании можно судить по источникам второй половины II тыс. до н. э. из Дер эль-Медины (откуда до нас дошло свыше 19 тыс. древнеегипетских текстов). Документы царского некрополя рассказывают об особенностях планирования, организации и нормировании труда мастеров и вспомогательной рабочей силы (людей самдет). Как и все древнеегипетское население, работники царского некрополя были разбиты на возрастные классы и профессиональные категории. Каждая группа должностных лиц получала наряд на выполнение определенной работы в соответствии с общим планом. Существовали декадные и месячные нормы. Десятидневные нормы устанавливались, в частности, для горшечников, дровосеков, прачечников и т. д.; месячные — для садовников, рыбаков и др. Важную роль в организации труда непосредственных производителей материальных благ играли государственные чиновники — писцы царского некрополя. Они направляли на работу людей, устанавливали нормы труда, проверяли их выполнение, выдавали зерновой паек и другие продукты питания.

Такая сложная организация государственного (царско-храмового) хозяйства приводит к тому, что в центре внимания древнеегипетской литературы находятся вопросы управления. Среди них особое место занимают «Поучения» — своеобразные дидактические сочинения, в которых отразились вопросы управления государственным хозяйством на самых различных его уровнях. В древне-14 египетских документах мы находим и перечисление экономических функций деспота (требования к идеальному правителю), и своеобразные должностные инструкции верховного сановника — чати (древнеегипетский предшественник средневековых арабских везирей), и биографии служащих, восхваляющих свои организаторские способности и высокие должности, полученные ими по мере восхождения по служебной лестнице, и апологию должности писца — главного винтика в механизме бюрократической государственной власти. Рассмотрим их подробнее.

Экономические функции главы государства — фараона — особенно наглядно видны из «Поучения гераклео-польского царя своему сыну Мерикура» (XXII в. до н. э.). Фараон Египта обладал неограниченной экономической, политической и верховной религиозной властью, считался сыном и преемником бога Солнца (Ра) на земле. Согласно древнеегипетским представлениям, он рассматривался как деятельное начало, как конструктивная жизненная сила, действующая на благо государства. Поэтому идеальное представление о фараоне включало два аспекта. С одной стороны, он должен был контролировать жизнь страны и защищать ее от внешних врагов, с другой — он должен был заботиться о своих подданных, как «пастух о стаде» (характерно, что пастушеский посох выступал как один из самых ранних знаков отличия фараона). Конечно, это представление о деспоте как о власти карающей и милосердной сильно идеализирует реальную действительность. И это наглядно видно из «Поучения гераклео-польского царя» — наставлений старого царя молодому. Из его рекомендаций отчетливо проступает классовый характер древнеегипетской власти. «Подавляй толпу, уничтожай пламя, которое исходит от нее, — поучает отец сына. — Не возвышай [человека] враждебного. Тот,

кто беден,— он враг. Будь враждебен к бедняку... Возвышай твоих вельмож, чтобы они поступали по твоим законам. Не пристрастен тот, кто богат в своем доме, он владыка вещей и не нуждается... Велик царь своими вельможами. Могуч царь-владыка, велик он богатством своих вельмож... Награждай вельмож податными списками, жрецов — участками земли. Работают для тебя, как один отряд. Не будет мятежников среди них»⁹.

Египтяне на протяжении всей своей истории чувствовали относительную обособленность Верхнего и Нижнего Египта. Эта обособленность отразилась в двойственности административной системы. В Древнем Египте было два верховных сановника (чати), два казначея, а нередко и две столицы.

Важную роль в древнеегипетском государстве играл верховный сановник (чати). Уже в эпоху Древнего царства документы рисуют чати как главного помощника фараона по управлению страной, которому подчиняются архив, судебные ведомства («6 судебных палат»), государственная сокровищница. Еще более расширяются его функции в яху Нового царства. Сохранились предписания о служебных обязанностях верховных сановников Рехмира, Усера, Аменемопета — современников фараонов XVIII династии (XVI—XV вв. до н. э.). Эти сановники обладали огромной властью: распоряжались земельным фондом и оросительной системой, назначали и смещали чиновников, контролировали деятельность центральной (царской) канцелярии и местного управления. Им принадлежала высшая военная и судебная власть. Они следили за соблюдением церемониала во дворце и т.д.

Обращает на себя внимание высокая централизация большинства хозяйственных функций, прежде всего распределения земель, податей и сбора недоимок. «Ему будут докладывать все дела,— говорится в списке из гробницы верховного сановника Тутмоса III — Рехмира.— Это он будет устанавливать границы каждой области, каждого пастбища, каждого храмового хозяйства, каждого владения... Это он будет назначать всех подлежащих назначению в судебное присутствие. К нему будут поступать из дворца все дела. Это он будет слушать каждый приказ. Это он будет допрашивать о недоимках каждого храмового хозяйства... Это он будет взимать подати в пользу... управлений»¹⁰. Из этой должностной инструкции, как и из многочисленных биографий вельмож, сохранившихся на стенах их гробниц, видна высокая централизация управления. В то же время для нее характерна нерасчлененность экономических и политических функций, неразделенность законодательной власти и исполнительной, военной и гражданской, религиозной и светской, административной и судебной. Нередко военачальники становятся гражданскими чиновниками, а государственные чиновники начинают выполнять функции военных. В древнеегипетском обществе главным было не разделение на военные и гражданские функции, а степень приближения к центральной власти. Благополучие отдельных представителей господствующего класса всецело зависело от их места в иерархии государственной власти, от той должности, которую им удалось получить, продвигаясь по служебной лестнице. Это наглядно видно из жизнеописания вельможи Уны (XXV — XXIV вв. до н.э.). За свою жизнь он мнил самые разнообразные должности при трех фараонах VI династии — Тети II, Пиопи I, Меренра I: «[Я был юноша], опоясавшийся поясом [зрелости] при величестве Тети, причем должность моя была начальник дома шена (мастерские или амбары.— *Авт.*). Я был смотрителем дворцовых хентиу-ше (вероятно, арендаторы царских земель.— *Авт.*). ...Старейшина дворца при величестве Пио-пи. Его величество возвел меня в сан друга и смотрителя > жрецов города при своей пирамиде. Когда должность моя была... его [величество назначил меня] судьей и устами Нехена (судейская должность.— *Авт.*), так как он полагался на меня больше, чем на любого другого своего слугу... Его величество посылал меня пятикратно водить [это] войско и усмирять страну бедуинов каждый раз, как они восставали... Когда я был дворцовым ачет (придворная должность или чин.— *Авт.*) и носителем сандалий [фараона], царь Верхнего и Нижнего Египта Меренра, мой господин, который да живет вечно, назначил меня местным князем и начальником Верхнего Египта от Эле-фантины на юге до Афродитопольской области на

севере, так как я пользовался расположением его величества, так как был угоден его величеству, так как его величество полагался на меня»¹¹ и т.д.

В обществе, которое не знало свободной личности, где не существовало надежной гарантии частной собственности, чиновники приобретают особое значение. Представители государственной власти имеют прямые и дополнительные доходы от выполняемых ими должностных функций. Многие должности превращаются в своеобразную синекуру, обеспечивающую безбедное и беззаботное существование. Характерно, что в «Поучении Ахтоя, сына Дуауфа, своему сыну Пиопи» ничего не говорится о содержании выполняемых прямых должностных обязанностей, но говорится о привилегиях, независимости, почете. Любопытно отметить, что уже в период обучения (а оно начиналось с пятилетнего возраста и продолжалось 12 лет) знатные школьники получали звания и чины, еще не выполняя никаких обязанностей по службе.

О привилегиях должности писца говорится и в многочисленных школьных поучениях, дошедших до нас от эпохи Нового царства (папирусы Саллье I, Анастаси II — V и др.)- И хотя научиться грамоте в Древнем Египте было нелегко, тем не менее эти усилия (утверждается в этих школьных поучениях) окупятся в дальнейшем сторицей. Поэтому последовательно и методично проводится мысль о том, чтобы будущий чиновник поменьше пьянствовал и танцевал в период учебы, а был прилежным и послушным учеником¹².

Не случайно еще в Древнем царстве появляется специальное сочинение о том, как выбиться в люди,— своеобразное (древнеегипетское) пособие для будущего карьериста. Оно предусмотрительно сообщает, как следует нести себя с начальством, с равными по положению коллегами и подчиненными. Предусмотрен «кодекс поведения» не только на службе, но и в домашней обстановке, показывается, как следует вести себя с родными и близкими. Суть сочинения — воспитание толкового чиновника, умело приспособляющегося к иерархической древнеегипетской государственной системе управления.

Важными документами социально-экономической мысли являются «Речения Ипусера» (дошедшие до нас в более поздней копии, ок. 1300 г. до н. э.) и «Пророчество Неферти» (также известное по копии ок. XV в. до н.э.). Они описывают социальный переворот, происшедший, по мнению большинства современных исследователей, в Первый переходный период. Характер описания не вызывает сомнений в том, что изображены реальные, имевшие место в действительности события. Ипусер, в частности, дает глубокую и образную характеристику этому перевороту: «...земля перевернулась, подобно гончарному кругу... простолудины страны стали богатыми. Собственники богатств стали неимущими». Автор детально описывает разрушение централизованной системы управления, уничтожение податных деклараций, свитков законов судебной палаты и т. д. «Воистину: вскрыты архивы. Расхищены их податные декларации. Рабы стали владельцами рабов. Воистину: [чиновники] убиты. Взятые их документы. О как скорбно мне из-за бедствий этого времени!— причитает Ипусер.— Воистину: писцы по учету урожая, списки их уничтожены. Зерно Египта стало общим достоянием. Воистину: свитки законов судебной палаты выброшены, по ним ходят на перекрестках»¹³.

Однако возникает вопрос: почему сообщение о событиях, имевших место в XXIII — XXI вв. до н. э., донесли до нас документы, написанные несколько веков спустя? Возникает естественный вопрос и о социально-классовой природе документов. В этой связи целесообразно обратить внимание на тех, кто наибольшим образом пострадал от описываемых событий. Чаще всего в роли пострадавших 11 «Речениях Ипусера» упоминаются «неджесы» и «серы» — представители совершенно определенного слоя господствующего класса. Это служилые люди, чиновники государственного аппарата, которые больше всего пострадали от разрушения государственной централизованной машины. Характерно, что высшим выражением бедствий страны, описываемых во второй части «Речений Ипусера», является нарушение строгой регламентации хозяйства, отсутствие контроля за деятельностью непосредственных производителей и бездействие

писца. «Смотрите: сильным [знатным] не [докладывается положение] народа. [Все] приближается к гибели. Смотрите: все ремесленники, они не работают. Похитили враги страны ее ремесла. [Смотрите: тот, который собрал] жатву, он не получает ее. Тот, который не пахал [для] себя, получает жатву. [Жатва] созревает, [но] о ней не доносит [никто]. Писец сидит [в своей канцелярии], руки его бездействуют в ней»¹⁴.

Ненависть народных масс была умело направлена сепаратистской номовой аристократией против представителей централизованной власти. В союзе с внешними врагами Египта они сумели разбить централизованную государственную машину. В «Речениях Ипусера» и «Пророчестве Неферти», наоборот, всячески отстаивается идея единого древнеегипетского государства — надежной основы порядка в стране и стабильности доходов служилой администрации. «Речения Ипусера» не случайно заканчиваются призывами к уничтожению «врагов благородной столицы», к восстановлению религиозного культа и описанием будущего благополучия и военной мощи страны. Поэтому «Речения Ипусера» и «Пророчество Неферти» как произведения, восхваляющие идею централизма, были чрезвычайно популярны в среде чиновников.

В условиях разросшегося бюрократического аппарата, отсутствия надежного контроля за деятельностью каждого чиновника и нерасчлененности их функций неизбежны были коррупция и злоупотребление властью. Об этом наглядно свидетельствуют «Повесть о красноречивом жителе оазиса», «История пастуха» и др. Взятничество и коррупция были настолько велики, что это нашло отражение в «Указе Хоремхеба»: «Я наставлял их по пути жизни и направил я их на правду. Мое наставление для них: «Не якшайтесь с другими, не берите взятку от другого... На что это похоже, чтобы один из вас якшался с другими? Пристало ли вам творить неправду против праведного!»»¹⁵ Однако одними благими указами, не подкрепленными никакими экономическими санкциями, искоренить это зло было невозможно.

3. Представления египтян о частной собственности, товарно-денежных отношениях и рабстве

Уже в Древнем царстве наряду с царско-храмовым комплексом существовали хозяйства вельмож, занимавших высокие должности в государственном аппарате. Большое вельможное хозяйство включало в себя главную усадьбу, а также ряд владений, разбросанных по всей территории страны. Его обслуживали работники, получавшие довольствие и другие средства существования со складов господина. Вельможное хозяйство состояло из личного хозяйства и хозяйства, которым вельможа владел по должности. Именно оно составляло основу его благосостояния. Поэтому древнеегипетское понятие «собственность» (джет) включало не только предметы, находящиеся в личной собственности, но и те, которыми египтянин мог пользоваться или владеть благодаря своей службе. Необходимо отметить, что даже государственную собственность египтяне рассматривали не как личную собственность фараона, а как своеобразное должностное владение царя, как государственное достояние.

Понятие «собственность» возникло в Древнем Египте далеко не сразу. Первоначально, в эпоху Древнего царства, оно употреблялось не для обозначения отношений собственности как таковых, а для выражения принадлежности более общего порядка, в смысле пользования вещь определенным человеком. Важно отметить, что понятия частного пользования, владения и собственности складывались на базе государственной собственности и противопоставления ей.

Источники позволяют проследить соотношение государственной и частной собственности в отдельные периоды существования древнеегипетского общества.

^c Было бы ошибкой представлять этот процесс как однолинейный: постепенное и последовательное сокращение государственной формы собственности за счет частной собственности должностных лиц. Как правило, расширение частной собственности за счет государственной осуществлялось в периоды ослабления центральной власти. Наоборот, в ходе нового усиления централизации нередко происходило поглощение частной

собственности собственностью государственной.

Несомненно одно: в эпоху Нового царства существует уже довольно сложная процедура доказательства прав частной собственности на тот или иной объект. Об этом свидетельствуют материалы из Дер-эль-Медины, относящиеся ко второй половине II тыс. до н. э. Важно то, что эти материалы отражают экономическую деятельность царских ремесленников (мастеров) и земледельцев — непосредственных производителей материальных благ, в древнеегипетском обществе.

В состав должностного владения древнеегипетских мастеров входили: постоянный дом в поселке, временное жилище в Долине Царей, гробница, место для отдыха (беседка?) и кладовая. Должностное владение могло перейти по наследству лишь в случае назначения сына на соответствующую должность. Естественно, что многие стремились превратить свои должностные владения, которыми они нередко пользовались из поколения в поколение, в собственность. Однако это удавалось далеко не всегда. Для того чтобы тот или иной предмет стал личной (частной) собственностью, необходимо было выполнение следующих условий. Во-первых, чтобы он был сделан своими руками и в свободное от служебных обязанностей время, в период, когда мастер не работал над сооружением царских объектов (в нерабочее время). Во-вторых, необходимо было доказать, что предмет (постройка, гробница) был сделан из собственного материала (а не из сырья, полученного с царских складов), и причем собственными, а не принадлежащими царю орудиями труда. В-третьих, и это прежде всего касалось различных строений, что сооруженный объект находится не на царской, а на собственной или ничьей земле¹⁶.

Таким образом, мы видим, что древнеегипетской экономической мыслью была выработана довольно стройная система взглядов не только на то, как вести сложное государственное хозяйство, обеспечивая его рабочей силой, средствами производства, а работников — продовольствием, но и на то, как преследовать расхитителей государственного имущества.

Экономические вопросы ведения частного хозяйства и организации рабского труда не были детально разработаны в эпоху Древнего и Среднего царств в силу неразвитости рабовладельческого уклада. По мере развития товарно-денежных отношений рабство находит все большее отражение в древнеегипетских документах, особенно начиная с эпохи Нового царства. В них говорится о купле-продаже рабов, найме рабов, отпуске их на волю, а также о преследовании беглых рабов. В документах, рассказывающих о покупке рабов, акцент делается на доказательстве того факта, что рабы приобретены в оплату за продукты, созданные самим покупателем.

Древнеегипетское хозяйство было в основном натуральным. Для ведения государственного (царско-храмового) хозяйства деньги были не нужны, поэтому меновая торговля возникает прежде всего между отдельными производителями. Уже со времен Древнего царства известны случаи продажи движимого и недвижимого имущества II рабов. В древнейшем Египте преобладала меновая торговля. Постепенно отдельные товары стали фигурировать в торговле чаще других. В качестве наиболее распространенных эквивалентов сначала выступают зерно (ячмень, эммер) и медь, а позже — серебро. Исследование голландским ученым И. Янсенем товарных цен эпохи Рамессидов (XIV — XI вв. до н.э.) показало, что стоимость товаров, как правило, выражалась в меди (72 %), зерне (15 %) и серебре (12 %). Лишь в период Позднего царства серебро в Египте становится всеобщим эквивалентом.

Дальнейшее развитие товарно-денежных отношений и рабства приводит к тому, что нередко выплатой долга служила отдача внаем (обычно на несколько дней) рабов или рабынь. Об этом, в частности, говорят документы из архива пастуха Дома Аменхотепа III Меси¹⁷. Однако высокая плата за наем раба (за месяц она достигала обычно средней рыночной цены раба) препятствовала широкому развитию такого рода отношений. А «чем незначительнее та роль, которую в общественном воспроизводстве играет обращение,—

писал К. Маркс в «Капитале»,— тем больше расцветает ростовщичество»¹⁸. Справедливость этих слов К. Маркса наглядно подтверждают документы эпохи Нового царства и Позднего периода, раскрывающие условия функционирования капитала, приносящего проценты. Долговые обязательства заключались как в натуральной, так и в денежной форме. Долг возвращался в размере, в 1,5—2 раза превышающем ссуду. Приведем типичное долговое обязательство. Оно относится к XXII династии (X—VIII вв. до н. э.): «(Дата) Год 13,1 месяц шему, день 11 *. (Условия займа) Педихонсу, сын Джедхонсуифанха, сказал жрецу Амона, начальнику сокровищницы фараона Анхенхонсу, сыну Наутаифнахта: «Ты ссужаешь мне 5 дебен * серебра из [сокро] вищницы [бога] Хоршефи. Я верну тебе их 10 [в] 14 году, первом месяце шему, 11 день, не споря с тобой ни одним словом». (Имя нотариуса) Учинена (буквально: «из рук». — *Авт.*) изготовителем документов, писцом Горсаиси, сыном Джедумонтуйфанха, сыном Оефенмут (ниже идет перечень имен семи свидетелей займа)»¹⁹. Данное обязательство свидетельствует о том, что долг в 455 г серебра будет возвращен ровно через год в двукратном размере (910 г), т. е. норма процента составляет 100%. За каждый просроченный месяц в Древнем Египте добавлялось обычно еще 10 %. Нередко обеспечением таких займов служило имущество должника (его зерно, скот, рабы, поле, серебро и т. д.). В случае его смерти долг должны были уплатить наследники. Высокая норма процента (50—100 %) и достаточно жесткие условия предоставления ссуды свидетельствуют о неразвитости обращения и господстве натурального хозяйства в стране фараонов в этот Поздний период. Действительно, «ростовщический капитал развивается тем больше,— пишет К. Маркс,— чем больше производство данной страны в массе своей остается натуральным, следовательно, ограничивается потребительной стоимостью»²⁰.

Подведем итоги. В древнеегипетской литературе нашли отражение многие вопросы организации и управления государственным хозяйством. Периодически проводились переписи населения с учетом возрастных и профессиональных особенностей, составлялись земельные кадастры, осуществлялся расчет материальных и трудовых ресурсов, необходимых для грандиозного ирригационного и культового строительства. Благодаря налаженной системе планирования труда, оперативному перераспределению трудовых ресурсов стало возможным функционирование сложной системы государственного хозяйства. Была создана сложнейшая бассейновая система ирригации, значительные оросительные сооружения, построены грандиозные храмы и величественные пирамиды, которые греки причислили к величайшему из чудес света. В то же время этот огромный производственный потенциал, использовавшийся «для обслуживания» заупокойного мира, не способствовал дальнейшему экономическому развитию страны.

Важным достижением духовной культуры Египта было накопление и передача общих и специальных знаний, профессионального мастерства, производственного опыта. Однако мелочная государственная регламентация деятельности, преклонение мастеров перед канонами с течением времени стали главным препятствием для творческого труда. Фискальные интересы государства мешали повышению роли частной инициативы, индивидуальной заинтересованности в качестве, количестве и результатах труда. Чинопочитание, зависимость от больших и малых начальников препятствовали развитию личности непосредственного производителя. Высокая централизация хозяйства тормозила разработку экономических вопросов частного хозяйства и товарно-денежных отношений. Организация рабского труда не получила значительного развития в древнеегипетской экономической мысли.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 9. С. 132.

² Цит. по: Проблемы социальных отношений и форм зависимости надземном Востоке. М., 1984. С. 52.

* Летосчисление в Древнем Египте велось по царствованиям фараонов, *л сельскохозяйственный год делился египтянами на три части: ахет (половодье), перет (всходы) и шему (засуха) — по четыре месяца в каждой.

- ³ Цит. по: *Богословский Е. С.* Древнеегипетские мастера: По материалам из Дер-эль-Медина. М., 1983. С. 271.
- ⁴ Хрестоматия по истории древнего мира. Саратов, 1973. С. 11, \Ц
- ⁵ Там же. С. 17, 19.
- ⁶ *Gardiner A. H.* The Wilbour Papyrus. Vol. I—III. L, 1941 — 1941
- ⁷ Цит. по: *Стучевский И. А.* Земледельцы государственного Древнего Египта эпохи Рамессидов. М., 1982. С. 239.
- ⁸ См.: Вестник древней истории. 1974. № 1. С. 11.
- ⁹ Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 31, 32, 34.
- ¹⁰ Там же. С. 77.
- ¹¹ Там же. С. 21, 23.
- ¹² См. там же. С. 105, 106.
- ¹³ Там же. С. 43, 47, 46.
- ¹⁴ Там же. С. 48.
- ¹⁵ Там же. С. 102.
- ¹⁶ См.: *Богословский Е. С.* Указ. соч. С. 269.
- ¹⁷ См.: Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. С. 93—94
- ¹⁸ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 160.
- ¹⁹ Цит. по: *Лурье И. М.* Юридические документы по социально-экономической истории Египта в период Нового царства//Вестник древней истории. 1952. № 1. С. 274.
^ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 25. Ч. II. С. 160.

Глава 2 ПЕРЕДНЯЯ АЗИЯ

Одним из древнейших очагов цивилизации является плодородная долина двух рек — Тигра и Евфрата — Двуречье, названное греками Месопотамией. В VII — IV тыс. до н. э. здесь шло разложение первобытнообщинного строя, возникало раннеклассовое общество. В отличие от Египта Передняя Азия представляла собой конгломерат непрочных государственных образований, враждовавших между собой и нередко становившихся жертвами соседних кочевых племен. Имеющиеся в настоящее время источники не позволяют проанализировать экономическую мысль всех этих государственных образований с одинаковой степенью глубины и полноты. Поэтому в данной главе мы остановимся на характеристике наиболее известных памятников. К их числу, безусловно, относятся многочисленные документы хозяйственной отчетности Древней Месопотамии, законы Вавилонии, Хеттской державы и Ассирии, а также Ветхий завет Библии.

1. Древний Шумер: учет как основа организации государственного хозяйства

С начала III тыс. до н. э. появляются первые юрода-государства в Шумере (Урук, Киш, Эреду, Лагаш, Ур, Шуруппак, Умма, Исин, Ниппур, Ларса и др.). Позднее происходит возвышение Аккада и образование первого крупного государства (XXIV — XXII вв. до н. э.), которое, однако, просуществовало сравнительно недолго и пало под натиском кочевников-кутиев. Но и их власть оказалась непрочной. В конце XXII в. до н. э. возникает новое Шумеро-Аккадское царство с центром в Уре (III династия Ура).

Основным условием земледелия в Древней Месопотамии являлась ирригация. Работы по созданию и очистке каналов требовали больших, коллективных усилий. Если в Древнем Египте разливы Нила происходили ежегодно примерно в одно и то же время и их последствия можно было более или менее точно предсказать, то разливы Тигра и Евфрата происходили нередко внезапно, нанося большой урон. Опасность непредсказуемых разливов усиливали морские приливы, возникающие под влиянием ветра с Персидского залива. Не случайно именно в Древней Месопотамии возникли истоки библейской легенды о «всемирном потопе». Справиться с разбушевавшейся стихией древние люди

могли, лишь объединив свои усилия. Поэтому одной из материальных основ государственной власти в Древней Месопотамии было регулирование водоснабжения. Все население страны привлекалось к общественным работам по созданию и очистке каналов. Налаженная система ирригации способствовала получению высоких урожаев, обеспечивала накопление прибавочного продукта в руках господствующего класса.

Центрами социально-экономической и общественно-политической жизни шумерских общин в III тыс. до н. э. являлись храмы, в которых и сосредоточивалась основная масса прибавочного продукта. В каждом городе-государстве был храм, посвященный главному богу. Наряду с главным храмом города-государства существовали храмы супруги главного бога, их детей и других богов, так 1 или иначе связанных с главным богом. В результате труда, зависимо от храма населения в храме накапливался резервный фонд, который нередко использовался для обмена на металл, камень, строительный лес. Постепенно храмовые земли отделяются от общинных земель. Храм становится крупным земельным собственником, центром ремесленного производства, организатором ирригационных работ.

Храмовая земля состояла из трех частей. Ее первую часть составляли земли, обрабатываемые рабами, разорившимися общинниками и другими зависимыми от храма людьми, которым за работу выдавалось натуральное удовольствие. Доходы с этой земли шли на нужды культа и храма. Вторую часть образовывали служебные наделы, являвшиеся своеобразной платой должностным лицам храма, ремесленникам и обслуживающему персоналу. Они владели этой землей без права отчуждения и наследования. Наконец, третью часть составляли земли, сдаваемые в издольную аренду за сравнительно невысокую плату. Обычно она не превышала $1/8$ урожая.

С укреплением государственной власти главной формой становится хозяйство верховного жреца и правителя города-государства — энси. Он руководит строительством ирригационных сооружений и храмов, организует работы во всем храмовом комплексе, осуществляет сбор налогов, утверждает отчеты по всем видам деятельности, является главнокомандующим. Более высокий уровень объединения храмовых хозяйств был достигнут при III династии Ура (конец XXII — начало XX в. до н. э.). В это время государственное хозяйство включает не только царское хозяйство столицы государства, но и энсиальное хозяйство местных центров. Отдельные энсиальные хозяйства являлись по существу филиалами единого государственного хозяйства. Многие храмовые хозяйства попадают в прямую зависимость от государственного.

Современный исследователь Древней Месопотамии располагает письменными источниками четырех видов: хозяйственными архивами, памятниками древнейшего законодательства, дипломатическими документами и текстами исторического содержания (надписями летописного характера и т.п.). Для анализа экономической мысли Древней Месопотамии III тыс. до н. э. наибольшее значение имеет первая группа.

Хозяйственные архивы Урука, Джемдет-Насра, Ура, Лагаша, Гирсу, Шуруппака позволяют проследить основные этапы развития храмового, энсиального и государственного хозяйств. Они содержат в себе прежде всего многочисленные документы хозяйственной отчетности. Хотя каждый документ несет весьма скромную и ограниченную информацию, тем не менее, взятые в целом, они позволяют с определенной точностью восстановить механизм функционирования экономического строя.

В рамках государственного хозяйства велся тщательный учет рабочей силы и средств производства. Периодически производились обмеры обрабатываемых полей, что находило отражение в специальных земельных кадастрах, в которых указывался не только перечень полей, но и качество обрабатываемой земли, а также особенности ее местоположения. Рабочая сила также оценивалась с точки зрения ее качества и количества. В частности, выделялись работники полной и половинной силы, а в Ниппуре и Пуприждагане, как показал академик А. И. Тюменев, встречаются даже работники, которых оценивают в $1, \frac{2}{3}, \frac{1}{2}, \frac{1}{3}$ и $\frac{1}{6}$ рабочей силы¹. В государственном и храмовых хозяйствах эксплуатировался труд

зависимых и рабов. Кроме того, помимо труда постоянных работников (зависимых и рабов) в государственном и храмовых хозяйствах применялся наемный труд. Объем выполненных работ исчислялся в человеко-днях.

В хозяйственных документах отражалось также движение материальных ценностей — средств производства и предметов потребления (выдача сырья, инструментов, поступление готовой продукции). Кроме этого осуществлялся ежемесячный и ежегодный учет хранящихся на центральном и местном складах материальных ресурсов. Выдача продовольствия, прежде всего зерна, храмовому персоналу производилась регулярно — раз в месяц. Периодически выдавались другие виды продовольствия (рыба, хлеб, растительное масло, финики, пиво и другие напитки), а также ткань или шерсть (на одежду) и даже небольшое количество денег (серебра).

Такое громоздкое государственное хозяйство просуществовало сравнительно недолго. С падением III династии Ура оно исчезло совсем. Однако крах жесткоцентрализованной системы организации государственного хозяйства не означал полного прекращения вмешательства государства в экономическую жизнь страны. Оно проявляется в форме высшего государственного контроля и регламентации за деятельностью непосредственных производителей. Эти новые формы получили свое классическое выражение в законах Старовавилонского царства (XIX — XVI вв. до н.э.).

2. Старовавилонское царство: формы государственного контроля экономической деятельности населения

Ликвидация крупного государственного хозяйства и раздача царско-храмовых земель (в качестве должностного пожалования либо для неотчуждаемой аренды царскими людьми) способствовала укреплению частной собственности, распространению аренды и субаренды. Общинники все в большей мере втягиваются в товарный обмен. Некоторые из них попадают в сети ростовщиков, разоряются и становятся рабами. Возникает достаточно многочисленный слой неполноправных (зависимых) людей. Он пополняется за счет военнопленных и ра-юрившихся свободных общинников. Все острее становится необходимость государственного регулирования частноправовых отношений с целью защиты свободных общинников от ростовщиков (охраны их собственности, законодательного оформления условий торговли, аренды, найма и т. д.). Были предприняты попытки решить эти задачи с помощью законодательства. С точки зрения экономической мысли наибольший интерес представляют законы царя Эшнунны (XX в. до н. э.), законы Липит-Иш-гара (XX—XIX вв. до н. э.) и законы Хаммурапи (XVIII в. до н. э.).

Текст законов из Эшнунны начинается установлением твердых цен на основные продукты: «1 гур (мера объема, равная, по одним данным, 300, по другим — 252,6 л.— *Авт.*) ячменя [должен продаваться] за 1 сикль (8,4 г.— *Авт.*) серебра... 3 ка (1 ка равен 0,84 л.— *Авт.*) первосортного масла [должно продаваться] за 1 сикль серебра. 1 сут (5 л, по другим данным — 8,4 л.— *Авт.*) и 2 ка кунжутного масла [должны продаваться] за 1 сикль серебра...»² и т. д. и т. п. В первом параграфе устанавливаются цены на ячмень, масло, шерсть, соль, медь и другое в серебре (продукты берутся в таком объеме, чтобы стоимость их равнялась 1 сиклю); во втором параграфе даются цены на различные виды масла в ячмене. Таким образом, в качестве основного всеобщего эквивалента выступает серебро, в качестве дополнительного — ячмень. Причем между этими эквивалентами устанавливается строгое соответствие. Не случайно первой является цена ячменя, выраженная в серебре (§ 1). Утверждение твердых цен позволяет составителям законов определить уровень наемной и арендной платы, размеры штрафов (§ 3—11, 14 и др.), норму процента (§ 18а), плату за воспитание, хранение и т. д. Норма процента составляла 20% годовых в серебре и 33¹/₃% в зерне. Напомним, что в Древнем Египте даже более позднего времени (X—VIII вв. до н. э.) норма ростовщического процента нередко достигала 100% (см. гл. 1). Более скромная норма процента в Старой Вавилонии не только свидетельствует о вмешательстве государства в хозяйственную жизнь страны, но и отражает более развитый характер товарно-денежных отношений. Древнеегипетская экономика, несомненно, в большей степени, чем

ближневосточная, была натуральной. Таким образом, перед нами не просто акт произвола нового царя, а попытка увязать платные услуги в соответствии с ценами, установленными на основные товары.

Законы из Эшнунны допускают и продажу недвижимости. Тем не менее они предусматривают преимущественное право покупки дома со стороны предыдущего владельца в случае повторной продажи его (§ 39). Эта статья свидетельствует о сохранении традиционных, полупервобытных представлений об особом характере связи между собственником и собственностью³.

Наибольшую известность приобрел сборник законов, подготовленный при шестом царе I вавилонской династии — Хаммурапи (1792—1750 до н. э.). Он не только воспроизвел ряд более древних правовых норм, но и стремился упорядочить социально-экономические отношения, сложившиеся к XVIII столетию до н. э. в Древней Месопотамии.

Законы Хаммурапи высечены на черном базальтовом столбе, в верхней части которого изображен бог Солнца и справедливости Шамаш, вручающий законы царю Хаммурапи. Текст законов состоит из введения, основной части, включающей, согласно принятой ныне классификации, 282 статьи, и заключения. На первый взгляд он кажется бессистемным сборником отдельных судебных казусов.. Действительно, для большинства его статей характерна недостаточно абстрактная форма, многие из них носят частный характер. К тому же в сборнике не проводится четкого разделения частного и публичного права, уголовных и гражданских дел. Тем не менее говорить об отсутствии какой-либо системы нельзя. Другое дело, что в основу этой системы положен непривычный для нас ассоциативный принцип построения. Одна тема как бы незаметно переходит в другую⁴.

Хотя законы Хаммурапи не отражают всего многообразия правоотношений в старовавилонском обществе (например, в них отсутствуют статьи о налогах и сборах, о политических и религиозных преступлениях граждан, об умышленном убийстве и т. д.), тем не менее они являются подлинной энциклопедией жизни жителей Вавилонии XVIII в. до н. э. В них отражены реальные случаи отношений между людьми во всей их конкретности и своеобразии.

Наиболее интересными для характеристики экономической мысли жителей Месопотамии XVIII столетия до н. э. следует признать группы статей, в которых рассматриваются вопросы защиты собственности вавилонских граждан, аренды, ростовщичества и найма.

Главным лейтмотивом законов является защита собственности граждан Вавилона, или, как демагогически говорится во введении к законам, создание условий, при которых бы «сильный не притеснял слабого». При этом особое внимание уделяется защите собственности дворца и храма, а также вавилонских граждан и государственных служащих, прежде всего воинов: редум и баирум (§ 26—41). Законы Хаммурапи запрещают продажу их наделов, как и вообще служебных наделов. «Поле, дом и сад, принадлежащие редуму, баируму или плательщику дохода,— говорится в § 36,— не могут быть проданы за серебро»⁵. Более того, вавилонские граждане, будучи куплены в качестве рабов за пределами своей страны, обретают свободу по возвращении на родину (§ 280).

Большая группа законов направлена против произвола ростовщиков (§ 66—96 и др.). В случае неурожая разрешалось продление долга на один год (без уплаты дополнительных процентов) (§ 48). Законы Хаммурапи запрещают ростовщикам самим, без разрешения должника, забирать урожай в счет уплаты долга (§ 113). Они строго регламентируют норму процента в денежной (20 %) и натуральной (33¹/₃ %) формах (§51).

В кодексе Хаммурапи предусмотрено даже наказание ростовщиков (в том числе и в законодательном порядке) за плохое обращение с заложником (§ 116). Однако главным фактором, препятствующим широкому развитию ростовщичества, было ограничение долгового рабства тремя годами. «Если долг одолел человека и он продал за серебро его жену, его сына и его дочь или отдал их в кабалу,— говорится в § 117,— [то] три года они должны обслуживать дом их покупателя или их закабалителя, в четвертом году им должна

быть предоставлена свобода»⁶. Непоследовательный характер законодательства против ростовщичества выражается, однако, в том, что освобождение должника не предусматривает наделение его средствами производства или существования. Не имея никаких средств, освобожденный должник должен был снова обращаться к ростовщику.

Законы Хаммурапи составлены с учетом трех категорий населения: полноправных свободных граждан (авилум), неполноправных свободных (мушкенум) и рабов. Классовый характер кодекса проявляется в том, что за один и тот же проступок для этих категорий установлены разные меры наказания: наименьшие — для свободных, наибольшие — для рабов (§ 196—208, 221—223 и др.). В рамках класса свободных также существует градация: на высших по положению и низших (§202). Необходимо, однако, обратить внимание не только на социальное неравенство, конкретные проявления которого отразились в законодательстве, но и на то обстоятельство, что мушкенум и рабы также обладали определенными правами. Мушкенум, в частности, могли иметь свое хозяйство, рабов и т. д. Рабы имели семью, разрешались браки свободных с рабынями и дворцовых рабов и рабов мушкенумов со свободными, причем их дети признавались свободными. Более того, оговаривались случаи, когда дети, появившиеся у свободного от рабыни, могут быть признаны законными наследниками движимого имущества наряду с родившимися от свободной женщины (§ 170). Сохранение элементов правоспособности у рабов свидетельствует о недостаточно высоком уровне развития рабовладения.

Большое внимание в законах Хаммурапи уделяется регулированию отношений найма. Рассматриваются самые разнообразные его формы (§ 215—277), и даже регламентируется размер оплаты за наемный труд (§ 274). В то же время, как и более ранние памятники законодательства, законы Хаммурапи не проводят различий между наймом людей и наймом движимого имущества.

Таким образом, в законах Старовавилонского царства предусмотрены различные формы государственного регулирования и контроля экономической деятельности населения. Развитие товарно-денежных отношений допускается в таких пределах, которые ограничивают процессы массового разорения свободных граждан, а также ставится надежный заслон на пути отчуждения недвижимой собственности царских служащих и работников. Однако защита частной собственности населения была в конечном счете не целью, а средством. Основной задачей являлось всемерное усиление экономической власти государства. Не следует преувеличивать и степень воздействия законодательства на ход реальных экономических процессов. В настоящее время трудно судить о том, насколько последовательно законы Хаммурапи проводились в жизнь. Кодекс Хаммурапи представлял из себя скорее всего свод идеальных рекомендаций, а не практическое пособие каждого судьи, требовавшее от него строгого и неукоснительного выполнения всех его статей.

Тем не менее законодательство Старовавилонского царства оказало большое влияние на экономическую и правовую мысль других стран Передней Азии, прежде всего на законодательство Хеттского государства, Ассирии и Палестины.

3. Хеттское общество: государственная регламентация экономической жизни страны

В XVIII в. до н. э. в восточной части Малой Азии возникает объединение хеттских племен — Хеттское государство. Главной отраслью их хозяйства было скотоводство, а особое значение имели овцеводство и коневодство. Земледелие (в том числе с применением искусственного орошения в долинах рек) играло подчиненную роль. В Хеттском государстве добывалось серебро, свинец, медь и железо, делали бронзовые и железные орудия труда и оружие. Верховным собственником всей земли считался царь, хотя сами царские владения составляли лишь часть территории страны. Основной формой царского хозяйства были религиозно-хозяйственные комплексы, возникшие вокруг «каменных домов» (т. е. склепов умерших царей). Укрепление царского хозяйства наблюдается в древнехеттский (XVIII—XVI вв. до н. э.) и особенно в новохеттский период (XIV — начало XII в. до н. э.), когда эти хозяйства поглощают храмовые хозяйства, существовавшие до этого изолированно от него.

Важнейшим памятником экономической мысли является свод хеттских законов (XVI в. до н. э.). Хеттское законодательство складывалось под большим влиянием Древней Вавилонии, тем не менее хеттский кодекс заметно отличается от законов Хаммурапи как своей структурой, так и более дробной, более тщательной разработкой многих собственно экономических вопросов. В частности, в судебнике содержится развернутая характеристика государственных повинностей, которые несло основное население страны, большое внимание уделяется вопросам регламентации условий торговли, найма, фиксации товарных цен. В то же время вопросы, связанные с ростовщичеством, детально разработанные в кодексе Хаммурапи, не получили здесь такого отражения.

Если в законах Хаммурапи практически отсутствовала характеристика обязанностей земледельцев и ремесленников перед государством, то в хеттских законах им посвящено несколько специальных параграфов (39—41, 46—56, 112). Все население страны выполняло определенные повинности перед государством. «Если житель селения, — читаем мы в § 39, — завладеет полями другого [человека], [то] он должен нести повинность, [связанную с обладанием этими полями]. Если [эти] поля он оставит в запустении, то другой [человек] может взять поля [себе], но он не может продать их»⁷. Обладание земельной собственностью было связано с выполнением определенных повинностей, а несение повинностей являлось непременным условием владения наделом. Государство запрещало продажу земли, хотя земля могла переходить другим лицам при условии несения повинностей. Такое положение распространялось также на ремесленников и их помощников (§ 40).

Бегство налогоплательщика влекло за собой необходимость обработки поля и уплаты соответствующего налога жителями данного поселения. Кроме того, за царем оставалось право заселять пустующие земли людьми из числа военнопленных при условии, что они будут выполнять соответствующие обязанности. Это предусматривает и § 112 с тем лишь уточнением, что военнопленный начинает платить повинности с четвертого года. Первые три года составляют льготный период, необходимый, видимо, для организации собственного хозяйства.

Повинности определялись характером надела. Поэтому при дарении земли и ее покупке на нового владельца распространялись повинности, связанные с этим участком земли (§ 46—56). Характер повинностей определялся царем, он же обладал правом подарить землю, освободив от несения повинностей (§ 47). Существование такой практики подтверждают «иммунитетные грамоты» и царские дарственные на землю.

Хеттскими законами предусмотрена широкая регламентация условий купли и найма (§ 145—165). Кроме этого значительное число статей посвящено фиксации конкретных цен движимого и недвижимого имущества. Законодательство устанавливает твердые цены на различные виды скота, мяса, продуктов питания, одежды, тканей и даже земли (§ 176 Б—186). Мы видим, что в хеттском обществе существует денежная форма стоимости и в качестве основного всеобщего эквивалента выступает серебро (§ 176 Б — 185 А). Масштабом цен является заимствованная из Древней Месопотамии денежная

единица — сикль серебра. Наряду с серебром сохраняется еще и такой эквивалент, как овца. В отдельных случаях, в частности при продаже мяса, в качестве всеобщего эквивалента выступает овца (§ 185 Б—186), цена которой, согласно хеттскому законодательству, равнялась 1 сиклю серебра (§ 179). Сохранение второго эквивалента свидетельствует о пережитках развернутой формы стоимости. В законодательстве определены также размеры платы за обучение профессиям плотника, кузнеца, ткача, кожевника и валяльщика (§ 200 Б).

Хеттские законы являются важным источником и для характеристики социально-экономической структуры общества. Они свидетельствуют о сохранении круговой поруки не только в рамках большой патриархальной семьи, но и в рамках сельской общины. За совершенное преступление несли ответственность как общинник, так и то объединение, к которому он принадлежал (§ 49). В хеттском обществе существовали рабы. Часть из них (военнопленные) пополняла ряды войска, получая при этом земельные наделы (§ 40, 112).

Другая часть, из числа покоренного мирного населения, становилась рабами, труд которых использовался главным образом в царском (§ 52) и храмовом хозяйствах. О социальном неравенстве свидетельствует, например, факт различной ответственности за совершенное преступление свободным и рабом (§ 1—4, 7—8, 11—18 и др.). В то же время рабы обладали некоторыми правами. В частности, допускались браки свободных и рабов (§ 31—32), т.е. предполагалось, что раб может дать выкуп за свободную женщину (§ 34) и даже за свободного юношу, если возьмет его в качестве зятя (§36).

Таким образом, мы видим, что хеттское законодательство сделало дальнейший шаг к еще большей регламентации экономической жизни населения, подчинив его целям создания военной монархии. Государство с рациональной деловитостью и мелочной заботливостью пресекает становление частной собственности, определяя строгие границы для развития товарно-денежных отношений. Регламентация цен, с одной стороны, отражает неразвитость товарно-денежных отношений, фиксирует давно сложившиеся натуральные пропорции обмена, с другой — препятствует стихийному развитию рыночного механизма. К сожалению, мы не располагаем данными, позволяющими судить о том, насколько объявленные цены соблюдались в повседневной практике. Ясно одно, что возникающие экономические проблемы Хеттское государство пытается решить главным образом административным путем. Об этом же свидетельствуют дошедшие до нас своеобразные служебные инструкции, которыми должны были руководствоваться царские чиновники («господа», «главные» и т. д.)⁸. В то же время отсутствовали попытки объединить страну с помощью экономических мер. Вопросы экономического управления страной также не получили необходимого развития в хеттской литературе. Новый шаг в этой области был сделан создателями Великой ассирийской державы.

4. Ассирия: вопросы управления военной державой

Возникнув еще в III тыс. до н. э., ассирийское государство прошло долгий путь исторического развития, в рамках которого для нас наибольший интерес представляют среднеассирийский (XV — XI вв. до н. э.) и новоассирийский (X — VII вв. до н.э.) периоды.

Ведущей отраслью хозяйства в Ассирии было земледелие. Искусственное орошение здесь играло более скромную роль, чем в Вавилонии. Тем не менее жители страны использовали периодические разливы Тигра, прокладывая каналы для орошения полей, садов и огородов. Большое значение имела транзитная торговля, так как Ассирия находилась на пересечении важнейших торговых путей. Ассирийские купцы вели активную торговлю с соседними народами, о чем свидетельствует «Торговый устав» мало-азийской фактории купцов в Канише (XIX в. до н. э.).

Власть ассирийских царей постепенно усиливалась. На царские решения первоначально оказывали сильное влияние жреческая верхушка и военная аристократия, а позднее и бюрократический аппарат. Характерно, что среднеассирийские законы (XV — XIV вв. до н. э.) являются не судебником царя, как кодекс Хаммурапи, а волеизъявлением общины города Ашшура. До нас дошли 14 таблиц и фрагментов с текстами законов. То, что сохранилось,— это главным образом семейное право (табл. А, § 1 — 59), закрепляющее неограниченную патриархальную власть мужа внутри семьи. Да и в целом наказания, предусмотренные законами, отличались чрезвычайной жестокостью.

В судебнике есть ряд статей, характеризующих поземельные отношения. Они свидетельствуют о сохранении общинных традиций. В частности, предусмотрена достаточно сложная процедура продажи общинной земли (табл. В+Q, § 6), а также суровое наказание за нарушение большой (между общинами) и малой (внутриобщинной) межи (табл. В + O, §8—9). В то же время законы отразили развитие отношений купли-продажи и рабства (табл. С+G, § 2—4 и др.). В отличие от кодекса Хаммурапи в среднеассирийских законах отсутствуют статьи, ограничивающие произвол ростовщиков, хотя развитие товарно-денежных отношений разлагало ассирийскую общину. Об этом, в частности, говорят юридические и хозяйственные документы среднеассирийского периода. Закабаление разоряющихся общинников происходило в форме так называемого усыновления, в

результате которого должник («усыновленный») подпадал под патриархальную власть кредитора («усыновителя»). Хотя формально «усыновленный» оставался свободным, реально он оказывался на положении раба. Это наглядно видно, например, из следующего документа: «Накиду — сын Эриш-или. Согласно табличке его настоящего отца, Эриш-или, которая была им написана Кение об усыновлении [Накиду] с его полем, и его домом, и всем его имуществом, Накиду — сын, Кения — его отец. В поле и внутри поселения он [Накиду] должен работать на него [Кению]. Накиду как с отцом, а Кения как с сыном [букв.: сыновьями] должны обходиться друг с другом. Если Накиду на Кению не будет работать, без суда и спора он [Кения] может обречь его (т. е. поставить знак раба, так как рабам в Ассирии сбрасывали часть волос на голове.— *Авт.*) [и] за серебро продать его»⁹.

Наряду с «усыновлением» в Ассирии существовали другие виды закабаления. Например, достаточно широкое развитие получили случаи так называемого оживления в бедственном положении. Их сущность заключалась в том, что отец, не будучи в состоянии прокормить свою дочь, продавал ее своему кредитору («оживителю»). Находясь экономически на положении рабыни, девушка юридически считалась ассирийкой (т. е. свободной гражданкой ашшурской общины) и могла выйти замуж за свободного, который уплатит за нее брачный выкуп¹⁰. Продажа своих детей спасала обедневших общинников от полного разорения. Поэтому не случайно в Поздней Ассирии была распространена пословица: «Богач живет своими доходами; бедняк — ценой своих детей (т.е. проданных в рабство)»¹¹.

Наибольшего подъема Ассирия достигла в X — VII вв. до н. э. Ее армия покоряет соседние государства, Ассирийская военная держава превращается в «мировую» империю, безраздельно господствующую в Передней Азии, а государство в VIII в. до н. э. приобретает характерные 2 формы восточной деспотии с разветвленным бюрократическим аппаратом. Сохранившийся от времени Асархад-дона (680—669 до н. э.) список чиновников содержит перечисление 150 должностей.

Главным источником экономической мысли становятся надписи исторического характера, летописи и анналы ассирийских царей, доклады царских наместников, договоры, письма, донесения. Экономическая мысль, как и духовная культура в целом, была поставлена в этот период на службу деспотической власти. Поэтому наибольшее значение приобретают вопросы управления военной державой.

Политическому и экономическому укреплению страны способствовали реформы управления, осуществленные Тиглатпаласаром III (744—727 до н.э.). Реформы были направлены на усиление контроля центральной власти, организацию стабильного управления покоренными территориями. С этой целью были разукрупнены наместничества и создано более 50 провинций. Провинции управлялись наместниками, главными функциями которых были не только военно-полицейские (поддержание внутреннего порядка, охрана важнейших дорог и т. п.), но и финансово-экономические (прежде всего сбор налогов и дани). Налоги устанавливались на основании переписей населения и имущества. Население страны не только платило подоходно-поземельный и храмовый налоги, но и выполняло строительные, ирригационные и другие повинности. Подати и дань собирались в натуральной форме. Кроме того, начиная с Тиглатпаласара III, ассирийские цари практикуют массовое переселение покоренных народов. По оценкам современных исследователей, оно охватывало обычно около 1/3 населения присоединенных стран¹². Освободившиеся территории заселялись другими народами. Такая политика преследовала две основные цели: во-первых, предотвращение восстаний и смут и, во-вторых, создание социальной опоры в лице переселенцев, и прежде всего воинво-колонистов.

Большое внимание в Ассирийской державе уделялось строительству дорог. Они были жизненно необходимы как для военных и торговых целей, так и для оперативного управления страной. Поэтому охрана дорог, обеспечение их бесперебойного функционирования являлись важнейшей обязанностью наместников провинций.

Достижения ассирийской экономической мысли, конечно, не следует преувеличивать. Не экономические методы управления были главной причиной стабильности и процветания страны. Ассирийская империя держалась прежде всего силой оружия. Военные поражения ассирийской армии в борьбе с Вавилоном и Мидией привели к распаду некогда великой державы.

5. Нововавилонское царство: рождение первых банков

Свое наивысшее развитие товарно-денежные отношения в Древней Месопотамии получили во времена Нововавилонского царства (626—539 до н. э.). В этот период были достигнуты крупные успехи в материальном производстве. Вавилонянам удалось обуздать Евфрат, подчинив себе эту капризную реку. Благодаря реконструкции ирригационной системы непредсказуемые разливы Евфрата прекратились, а часть его паводковых вод была отведена в Тигр. Большое распространение получает садоводство. Основу аграрного строя составляет мелкое и среднее частное землевладение. Развивается аренда и субаренда. Долговое рабство для граждан Вавилона было отменено, поэтому задолженность арендаторов становится важным способом удержания их в данном хозяйстве.

Важнейшими источниками экономической мысли являются хозяйственные и юридические документы. Правда, от законов Нововавилонского царства сохранились лишь фрагменты (около 20 статей). Зато богатую информацию содержат судебные протоколы и решения, свидетельские показания, а также арендные контракты, купчие, расписки, накладные, бухгалтерские счета, векселя, письма делового и частного характера. Они характеризуют экономическое мышление не только господствующего класса древневосточного общества, но и широких слоев населения, включая рабов.

Документы, дошедшие от этой эпохи, свидетельствуют как о купле-продаже рабов, так и об обучении рабов различным профессиям¹³. Более того, все чаще и чаще встречаются сделки, заключенные рабами со свободными. Находясь на пекулии, рабы арендуют помещения для организации собственного дела, а также для жилья. Любопытно и то, что вырабатывается универсальная форма договора для выражения самых разнообразных дел: займа-платежа ренты или квартирной платы, заказа у ремесленника или купца, оплаты приданого, налогов или каких-либо других пошлин. Приведем в качестве примера договор об аренде жилья, заключенный между свободным и рабом:

«Дом Бел-иддина, сына Набу-этира, [а именно] южную [и] восточную [части] и верхний этаж, Амату добровольно сдала на четыре года Ки-Набу, рабу Арад-Набу, для жилья за 12 лепешек в день и $\frac{1}{2}$ сикля серебра в год. Кто нарушит [контракт], тот будет оштрафован на 10 сиклей серебра. [Документ составлен] в присутствии Куллы, ее (т.е. Амату.— *Авт.*) дочери. Свидетели (имена трех человек) и писец (имя). Урук, 28-й день месяца ша-бату 22-го года Навуходоносора (т. е. 584 г. до н. э.— *Авт.*), царя Вавилона»¹⁴.

Необходимо отметить, что, несмотря на широкое развитие товарно-денежных отношений, в вавилонском обществе не возникло монетной формы денег. В обращении были не знаки стоимости, а серебро, которое, как видно из документа, принималось по весу даже в тех случаях, когда речь идет о сравнительно мелких сделках ($\frac{1}{2}$ сикля серебра = 4,2 г).

Ссуда денег давалась как под залог имущества, так и без него. В качестве залога мог выступать раб, дом, какое-либо имущество, участок земли. Жители Древней Месопотамии различали два вида залога. В первом случае залог оставался у должника и переходил кредитору лишь в случае неуплаты ссуды. Во втором случае залог переходил кредитору, пользование им или доходом от него рассматривалось как проценты за ссуду.

Развитие ростовщического и купеческого капитала приводит к возникновению «деловых домов», выполнявших функции своеобразных первых банков (дом Эгиби, дом Иддин-Мардука, дом Мурашу и др.)¹⁵. Они осуществляли прием и выдачу вкладов, предоставляли кредит, производили учет векселей, оплату чеков, осуществляли безналичный расчет между вкладчиками, финансировали внутреннюю (дом Мурашу) и внешнюю (дом Эгиби) торговлю. Вкладчики получали 13% годовых на свой капитал, заемщики обычно платили 20 %. Следует, однако, подчеркнуть, что собственно банковские операции

составляли лишь часть многообразной деятельности «деловых домов».

С покорением Нововавилонского царства державой Ахеменидов, несмотря на льготы, предоставленные персидскими царями Вавилону, происходит постепенное сокращение товарооборота и заметно усиливаются натурально-хозяйственные тенденции в экономике Месопотамии.

6. Ветхий завет: борьба с ростовщичеством и долговым рабством

Важным историческим памятником, по которому можно судить об экономических представлениях жителей Восточного Средиземноморья, является древнейший раздел Библии — Ветхий завет. Он интересен не только как документ, отразивший экономические воззрения людей, живших в I тыс. до н. э., но и как сочинение, канонизированное позднее христианством, из которого черпали социально-экономические идеи как угнетенные, так и угнетатели в эпоху поздней древности, в средние века и даже в новое время. Ветхий завет представляет собой сборник произведений, созданных с XIII по II в. до н. э. Это было время, когда еврейские племена, жившие за рекой Евфрат, вторглись на территорию Палестины, подчинив себе расположенные там города-государства. В ходе борьбы с филистимлянами еврейский племенной союз постепенно оформляется в государство. Первым царем становится Саул (ок. 1030 до н.э.). Его зять Давид (ок. 1004—965 до н.э.) присоединяет к царству Иерусалим и делает его столицей государства. Его младший сын Соломон (ок. 965—928 до н. э.) построил в Иерусалиме храм в честь бога Йахве (Яхве, Ягве, Иегова). По числу племен Израильско-Иудейское царство состояло из 12 округов, которые по очереди круглый год обеспечивали царский двор всем необходимым. Кроме того, покоренное население, а позднее и сами израильтяне должны были выполнять трудовую повинность четыре месяца в году. Рост налогообложения привел к восстанию, в результате которого произошел раскол страны. На севере возникло новое Израильское царство, центром которого с IX в. до н. э. стал город Самария. В 722 г. до н. э. ассирийский царь Саргон II разгромил Израильское царство и переселил в Мидию и Месопотамию 27 тыс. израильтян. С падением Ассирии восстанавливается самостоятельность Иудейского царства. Проводится ряд реформ, важнейшими из которых являются утверждение единобожия и возобновление действия старого закона об ограничении долгового рабства шестью годами. Палестина становится объектом борьбы между Египтом и Нововавилонским царством. В 609 г. до н. э. Иудея была покорена египетским фараоном Нехо II, а в 586 г. до н. э. — войсками вавилонского царя Навуходоносора II. Кончилось «вавилонское пленение» израильтян в 538 г. до н. э., когда разгромивший Нововавилонское царство Кир разрешил евреям вернуться на родину и восстановил Иерусалим как храмовый центр. Таковы вкратце социально-экономические и политические условия создания Ветхого завета.

Ветхий завет состоит из трех частей. Первая часть называется Закон («Тора»). Она включает Пятикнижие (Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие). Вторую часть составляют Пророки («Невиим»). Эта часть состоит из книг «старших», «младших» и 12 «малых» пророков. В третью часть входят Священные, или агиографические, писания («Кетубим»).

Вопросы экономической мысли не являются главными в Священном писании древних евреев. Тем не менее различные стороны экономической жизни израильтян не могли не найти отражение в этом сложном и многогранном произведении.

Через все произведение проходит развернутая критика ростовщичества, являющегося причиной разорения и долгового рабства соплеменников (Исх., 21: 1—7; Лев., 25: 39—41; Втор., 15: 12—18 и др.). «И был велик вопль народа и жен их к их братьям иудеям. Одни говорили: «Сынов наших и дочерей наших мы закладываем, чтобы купить нам зерна, есть и жить». Другие говорили: «Поля наши, виноградники наши и дома наши мы закладываем, чтобы купить зерно во время голода». Были и такие, которые говорили: «Серебро мы взяли в долг [под залог] полей наших и виноградников наших для уплаты налога царского». А ведь одной мы плоти с братьями нашими, как их сыновья — сыновья наши, и вот мы вынуждены отдавать сынов наших и дочерей наших в рабство; и среди наших дочерей уже имеются

порабощенные, и нет средств у нас [для выкупа], в то время как поля и виноградники наши находятся в чужих руках»» (Неем., 5: 1—5)¹⁶.

В Библии, тем не менее, нет характеристики ростовщичества и рабства как противоестественных социальной природе человека явлений, не содержится призыв к их полной ликвидации, установлению подлинного социального равенства. Предлагаются лишь паллиативные меры.

В частности, в уста бога вкладываются утверждения о том, что земля не должна отчуждаться и если она все же продана, то должна вернуться своему владельцу в юбилейный (пятидесятый) год (Лев., 25: 23—28).

Долговое рабство в Библии ограничивается шестью годами и указывается на целесообразность патриархального отношения к рабам, прежде всего из числа соплеменников, а также к метекам и поденщикам. «Если обеднеет [букв.: опустится] брат твой и ослабеет [букв.: пошатнется] рука его,— читаем мы в Библии,— то поддержи его как метека, и пусть продолжает жить с тобой. Не бери у него процентов, бойся Господа твоего, и пусть брат твой живет с тобой. Серебро свое не давай ему под проценты и пищу не давай ему в рост [или: за процентную надбавку] .

Если обеднеет [букв.: опустится] брат твой и продается тебе [в рабы], не заставляй его работать как раба; как наемник и как поселенец пусть будет он при тебе, до юбилейного года пусть работает у тебя»¹⁷ (Лев., 25: 39—40). В Библии осуждается и притеснение поденщиков (Втор., 24: 14—15), неоднократно подчеркивается мысль о необходимости отпуска на волю рабов со средствами к существованию (Втор., 15: 1—5, 7—11 и др.).

Большое место уделяется социальным обличениям в пророческой литературе: «Я знаю, как многочисленны ваши преступления и как тяжки ваши грехи: вы притесняете правого, берете взятки, а нищего, ищущего правосудия, гоните от ворот» (Ам., 5: 12)¹⁸. «Малые» пророки осуждают произвол, критикуют роскошь и богатство, ратуют за возврат к патриархальной жизни, призывают к восстановлению традиционных норм и обычаев. Однако в условиях развития товарно-денежных отношений и рабства утопизм таких пожеланий очевиден. В то же время стремление к «справедливой жизни», критика различных форм угнетения, обвинения в социальной несправедливости не могли не встретить сочувствие угнетенных народных масс и рабов, что явилось в дальнейшем одной из важных причин возникновения и распространения раннего христианства.

Экономическая мысль Передней Азии прошла долгий и содержательный путь. К числу важнейших достижений относится разработка вопросов учета, организации и управления государственным хозяйством. Были найдены различные формы государственного контроля за экономической деятельностью населения, получившие яркое воплощение в законах из Эшнунны, Хаммурапи, Хеттской державы и Ассирии. Важное значение имела защита населения от произвола ростовщиков в Вавилонии и Палестине. Протест населения против долгового рабства и ростовщичества нашел образную форму выражения в Ветхом завете Библии. В Нововавилонском царстве была выработана простая и универсальная форма обязательства для оформления товарно-денежных отношений, появились «деловые дома», выполнявшие функции первых банков.

В то же время экономическая мысль переднеазиатских государств еще не вычленилась в самостоятельную отрасль знания. Статьи, регулирующие экономические отношения в древних судебных кодексах, переплетаются со статьями об уголовных делах, гражданское право причудливо соединено с семейным, информативное начало господствует над обобщением. Государство препятствует развитию частной заинтересованности и инициативы, тщательно контролируя экономическую деятельность своих граждан, осуществляя мелочную регламентацию условий торговли и найма, фиксацию товарных цен и т. д. Постоянные вторжения кочевников разрушают развитые экономические центры, надолго задерживая прогрессивное экономическое развитие наиболее цивилизованных народов.

С. 256—257.

² Хрестоматия по истории древнего Востока. М., 1963. С. 190.

³ Подробнее см.: *Клочков И. С.* Духовная культура Вавилонии: 4i»ловек, судьба, время: Очерки. М., 1983. С. 47—59.

⁴ О структуре законов Хаммурапи см.: *Кечекьян С. Ф.* Всеобщая история государства и права. Ч. I. Древний мир. Вып. 1. Древний Восток и Древняя Греция. М., 1944. С. 83—85; *Дьяконов И. М.* Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства// Вестник древней истории. 1952. № 3. С. 262—263; История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. Месопотамия. М., 1983. С. 372—374.

⁵ Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. М., 1980.

⁶ {^>. 10^£, 100.

⁷ Там же. С. 161.

⁸ Там же. С. 276.

⁹ См.: Источниковедение истории древнего Востока. М., 1984. С. 163—164.

¹⁰ Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. С. 209.

¹¹ Пример такого рода документов см. там же. С. 209—210.

¹² Цит. по: *Садаев Д. Ч.* История Древней Ассирии. М., 1979. С. 185.

¹³ См. там же. С. 97.

¹⁴ Примеры контрактов такого рода см.: Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. С. 229.

¹⁵ Там же. С. 232.

¹⁶ Подробнее см.: *Белявский В. А.* Вавилон легендарный и Вавилонисторический. М., 1971. С. 144—154.

¹⁷ Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. 1. С. 251.

¹⁸ Там же. С. 252.

¹⁹ Там же. С. 260.

²⁰ Цит. по: *Лурье И. М.* Юридические документы по социально-экономической истории Египта в период Нового царства// Вестник древней истории. 1952. № 1. С. 274.

²¹ ^ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 160.

Глава 7

5. Экономические идеи первоначального христианства

Возникшее в Римской империи христианство — самая распространенная религия, господствующая до сих пор во многих странах мира. Изучение экономических идей этой религиозной доктрины важно не только для характеристики идеологии Римской империи, но и потому, что многие экономические концепции поздней античности, средневековья и нового времени имели религиозную окраску, развивались в рамках христианского мировоззрения, апеллировали к христианским нормам морали и права.

В данном параграфе будут рассмотрены лишь экономические воззрения первоначального христианства (I — II вв. н. э.), которое в дальнейшем за короткий промежуток времени превратилось из учения иудейской секты в государственную религию Римской империи.

Христианство возникло в условиях экономического, политического и морального кризиса римского общества. Результатом римских завоеваний стало нивелирование национальных и культурных различий входящих в империю народов. На передний план все более выступали не национальные и этнические особенности отдельных народов, а пропасть между бедными и богатыми гражданами. Именно в это время возникает острая потребность всех классов в такой религии, в которой можно было бы «спастись» от господствовавшей в обществе социальной несправедливости. Старые религии были разрушены и пришли в упадок вместе с падением культивировавших государств. Новой религии необходимо было

подняться над этнической ограниченностью и сословными предрассудками. Религия должна была стать простой и понятной—верующим, способной указать решение возникших проблем. Этим требованиям удовлетворяло учение, родившегося на почве иудаизма и вобравшее в себя многие элементы восточных религий (почитание иранского божества Митры, египетского культа Исида и Осириса и т. д.) и античных философских течений (учение стоиков, а позднее — неоплатонизм и др.). I

Главной идеей христианства является идея греха! и спасения человека. В существующих порядках повинны все люди, начиная от Адама и Евы, совершивших «первородный» грех. Умерший мученической смертью Христос искупил этот грех и тем указал путь к спасению. Вера: в Иисуса Христа — этого «великого божественного спасителя» — условие очищения от греха. Раскаяние в грехах и благочестивая жизнь — необходимое условие достижения царства небесного после смерти. Грешникам и стяжателям уготован ад на том свете, а на этом — второе пришествие Христа и Страшный суд. «...Общераспространенному чувству, что люди сами виновны во всеобщей испорченности,— писал Ф. Энгельс,— христианство дало ясное выражение в сознании греховности каждого отдельного человека; в то же время в жертвенной смерти своего основателя христианство создало легко понятную форму внутреннего спасения от испорченного мира, утешения в сознании, к чему все так страстно стремились»¹⁷.

Хотя раннее христианство первоначально было религией отверженных и угнетенных, оно не было ориентировано на какой-либо богоизбранный народ, социальную группу или определенный класс. Оно было обращено ко всем людям, ко всем, кто проявлял веру в божественного спасителя (Мессию), в Христа, в его искупительную жертву.

Выражая интересы разных классов и социальных групп, христианство с самого начала было глубоко и внутренне противоречиво. Экономические воззрения христианства, как и верования в целом, сформировались в борьбе различных течений. В результате одни произведения были признаны «истинными» и канонизированы, другие не были канонизированы, а третьи осуждены как ереси. Лишь 27 произведений (написанных во второй половине I — начале II в. н. э.) в IV в. были канонизированы, составив Новый завет. В него входят четыре Евангелия (от Матфея, Марка, Луки, Иоанна), Деяния святых апостолов, 21 послание (14 из которых приписываются святому Павлу, 3 — Иоанну, 2 — Петру, а также Иакову и Иуде) и Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис). Кроме канонизированных текстов раннехристианская литература включает Священное предание: Учение двенадцати апостолов (Дидахе), Пастырь Герма и др.— и неканонизированные тексты: некоторые Евангелия (Истины, от Петра, Фомы), апокрифическую апокалиптику и др.

Важное социально-экономическое значение имела христианская проповедь равенства. И хотя она доказывалась теологически (основой равенства людей является то, что все они грешны перед богом), идея равенства была направлена не только против племенных и этнических различий, но и против рабовладельческого строя. Это особенно ярко выражено в Посланиях к Колоссянам и к Га-латам, приписываемых апостолу Павлу. «...Нет ни Еллина, ни Иудея... варвара, Скифа, раба, свободного...» (Кол., 3:11; Гал., 3:28). Равенство людей перед богом выступает как основной вид равенства, от которого все другие виды производны. Для экономической мысли важное значение имело утверждение необходимости поступать друг с Другом по справедливости. «...Какою мерою мерите,— говорится в Евангелиях от Марка, Матфея и Луки,— такую отмерено будем вам» (Мк., 4:24; Мф., 7:2; Лк., 6:38).

С идеей равенства тесно связано утверждение всеобщей обязанности трудиться. «Если кто не хочет трудиться— написано во Втором послании Павла к Фессалоникийцам,— тот и не ешь» (2 Фес., 3:10). Труд является основой жизни людей, поэтому и распределение должно осуществляться по труду. «...Каждый,— утверждает в Первом послании Павла к Коринфянам,—получит на-град по своему труду» (I Кор., 3:8). Моральному осуждению в ранне христианской литературе подвергается не только воровство (Еф., 4:28), но и социальное неравенство, в частности разделение людей на богатых и бедных. Богатство

рассматривается в Первом послании Павла «к Тимофею как «корень всех зол» (I Тим., 6:10).

Ранне христианская литература осуждает ростовщичество и запрещает взимать ростовщический процент «В займы давайте,— говорит Христос в Евангелии от Луки,— не ожидая ничего» (Лк., 6:35). Богатым нет места в «Царстве Божиим». «Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши,— утверждается в Евангелиях от Матфея и Марка,— нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф., 19:24; Мк., 10:25). Что же делать тогда с богатством? «Если хочешь быть совершенным,— написано, в Евангелии от Матфея,— пойдй продай имение твое и раздай нищим» (Мф., 19:21).

Отказ от частной собственности приводил наиболее радикальных представителей раннего христианства к идеям коллективизма и обобществления имущества. Элементы коллективизма имели широкое распространение в предхристианских (кумранских) общинах ессеев (конец II до н. э.— I н. э.)¹⁸. «Следы общности имущества, кото-1рые также встречаются на первоначальной стадии новой религии,— писал Ф. Энгельс,— объясняются скорее сплоченностью людей, подвергавшихся гонениям, чем действительными представлениями о равенстве»¹⁹.

Попытки обобществления собственности в условиях Римской империи не могли не иметь утопический характер! Вскоре они были окончательно преодолены трансформирующейся христианской церковью. Для нас они важны? потому, что радикальные моменты раннего христианства явились идейными истоками крестьянско-плебейских ересей средневековья и даже утопического социализма.

В раннем христианстве же постепенно нарастали консервативные тенденции. Они были связаны не только с изначально присущей внутренней противоречивостью нового учения, но и со стремлением превратить его в господствующую религию. Усиление этих консервативных тенденций связывают обычно с деятельностью апостола Павла и его последователей. Меняются акценты. Внимание верующих переключается с критики социальных порядков на обличение соперничающей религии — иудаизма и осуждение многочисленных сект и философских течений (арианства, манихейства, неоплатонизма и т. д.). Усиливается признание и оправдание существующих порядков, перенесение требований о вознаграждении за терпение и страдание с этого мира на мир потусторонний, загробный. «Каждый оставайся в том звании, в котором призван,— говорится в Первом послании Павла к Коринфянам.— Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся. Ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов. Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человек. В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся перед Богом» (I Кор., 7:20—24). Оправдывается рабство и существующая политическая власть. Более того, рабов призывают повиноваться рабовладельцам. «Рабы, повинуйтесь господам своим по плоти со страхом и трепетом, в простоте сердца вашего, как Христу» (Еф., 6:5). Предпринимаются попытки оправдать богатство, от богатых ждут теперь не только раздачи милостыни бедным, но и крупных пожертвований в пользу церкви (2 Кор., 8:14; I Тим., 6:17—18). Перерождающееся христианство подготавливает идейные предпосылки феодальной формации.

¹⁷ Маркс /С, Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 314.

¹⁸ Подробнее об этом см.: История древнего мира. Кн. II. М., 1982. С. 399—406; Амузин И. Д. Кумранская община. М., 1983; Свенцицкая И. С. От общины к церкви: О формировании христианской церкви. М., 1985. С. 54—62.

¹⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 105.

Часть II

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ЭПОХИ ФЕОДАЛИЗМА

Новый этап в развитии экономической мысли связан с эпохой феодализма. В этот период складываются европейские народности и образуются централизованные государства, растет

материальная и усложняется духовная культура. Усиливается неравномерность в развитии экономической мысли отдельных стран и регионов. В этом сказывается не только влияние античного наследия, но и особенности господствующего социально-экономического строя.

Главными моментами генезиса феодального способа производства были превращение свободных производителей материальных благ и рабов в феодально-зависимых крестьян и образование крупного феодального землевладения. Эти процессы были подготовлены феодальными тенденциями, возникшими в процессе разложения первобытнообщинного строя и античного общества.

После падения Западной Римской империи (V в. н. э.) в появившихся на ее территории варварских королевствах происходил синтез феодальных элементов, существовавших в порах античного общества и первобытнообщинного; строя германцев и кельтов. Ранее свободные общинники попадают в личную, поземельную и судебно-административную зависимость от феодалов — владельцев феодалов —* условной наследственной земельной собственности. Складываются феодальная иерархия и система вассалитета. Наиболее быстро феодализм возникал там, где эти элементы гармонически дополняли и ускоряли друг друга (в Северной Франции). Там же, где доминировало античное наследие (в Византии и в странах Южной Европы)* темпы феодализации замедлялись. Сильное государство,* развитые частная собственность и товарно-денежные отношения, длительное сохранение рабовладельческой формы эксплуатации стали факторами, препятствовавшим» генезису классического феодализма. Более медленными были темпы феодализации и там, где феодализм складывался в основном на базе разлагавшегося первобытнообщинного строя (например, в Британии, Скандинавии, у западных и восточных славян), а влияние античности было более слабым и непоследовательным. Это проявилось в длительном сохранении свободного крестьянства, некомпактности феодальной вотчины, пережитках догосударственных форм управления.

Постепенно в феодальном обществе оформляются четыре класса-сословия: крестьян, светских феодалов-рыцарей, церковных феодалов-священнослужителей и горожан-бюргеров. Каждое из этих сословий выработало свою культуру, свою идеологию, имело свои экономические представления. Однако, прежде чем проанализировать эти особенности, отметим общие черты, типичные для феодального мировоззрения в целом.

Феодальная экономика носит аграрный характер, господствует натуральное хозяйство, «главным объективным условием труда является не *продукт* труда, а находимая трудом *природа*»¹. Человек был подавлен в борьбе с природой, производительность его труда была результатом не только его личных усилий, но и естественных производительных сил, его деятельность зависела от биологических циклов природы. Не будучи в силах объяснить природные процессы, человек средневекового общества постоянно боялся разорительных стихийных бедствий: неурожая, наводнения, засухи и т. д., наивно верил в сверхъестественное и пытался отгородиться от него строгим соблюдением обрядов, различного рода ритуалов, заклинаний и молитв. Он опасался нововведений и ориентировался на старину, апеллировал к традиционным нормам морали и права. И при всем при том был сравнительно молодым (средняя продолжительность жизни в эпоху средневековья была относительно невысока).

Гарантией от последствий стихийных бедствий и непредвиденных обстоятельств была принадлежность к какой-либо общине, коллективу, с интересами которого средневековый человек соотносил свою деятельность, поступки, мысли. В этом проявлялась всеобщая личная зависимость, которая распространялась на отношения не только между антагонистическими классами, но и внутри их. «...Мы находим здесь людей,— писал К. Маркс, характеризуя «мрачное европейское средневековье»,— которые все зависимы — крепостные и феодалы, вассалы и сюзерены, миряне и попы. Личная зависимость характеризует тут как общественные отношения материального производства, так и основанные на нем сферы жизни»². Вертикальные связи иерархического типа в этом обществе дополнялись горизонтальными связями, представленными различного рода корпорациями, такими, как соседские общины, городские коммун, ремесленные цехи, купеческие гильдии, монашеские братства, рыцарские ордены,

Мышление средневекового человека носило телеологический характер. Ведущую роль в Европе играла христианская церковь. Это предопределило двойственность»*своеобразный дуализм феодальной культуры. Латынь стала универсальным языком образованной части западноевропейского общества, сохранившим, хотя и в трансформированном и переосмысленном виде, наследие античного мира. Однако наряду с латынью, знание которой было уделом лишь немногих, развиваются национальные языки, пребывающие себе дорогу среди обилия диалектов и

наречий. Раннесредневековая культура носила в основном устный характер. Записи фиксировали текущие события, делались «для памяти». Не следует забывать и о кретизме средневековой духовной культуры, из которой экономическая мысль еще не вычленилась в самостоятельную область знания. То, что может быть отнесен к экономической мысли, проникнуто духом «практицизма». Средневековые трактаты переполнены конкретным хозяйственными советами, различного рода практическими рекомендациями, в них мало места занимают теоретические обобщения или попытки осмысления социально-экономических процессов. Занятый войнами, охотой, любовными похождениями и личным самоутверждением, средневековый рыцарь, как и класс светских феодалов в целом, мало интересовался экономическими проблемами, управлением своей вотчиной или поместьем. Он был представителем тех, кто потребляет богатство. I

Аграрный характер феодальной экономики, господство натурального хозяйства, неразвитость ремесла и торговли! в эпоху раннего средневековья (V—XI вв.) остро ставил перед светскими феодалами лишь одну экономическую проблему — проблему получения денег для покупки пен/ступающих с Востока экзотических предметов роскоши для ведения безбедного и беззаботного образа жизни; «Чем менее развит характер продукта как товара, чем меньше меновая стоимость подчинила себе производство» во всю его ширину и глубину,— пишет К. Маркс,— тем в большей степени деньги представляются богатством в собственном смысле слова, богатством как таковым всеобщим богатством, в противоположность его ограниченному способу выражения в потребительных стоимостях³. Денежный голод испытывали не только отдельные представители господствующего класса, но и само феодальное государство, периодически занимавшееся порчей монеты. Попытки оправдания этой практики мы находим в сочинениях средневековых юристов, стремившихся обосновать номиналистическую теорию денег. Однако их объяснения были так же далеки от науки, как и «теории» средневековых европейских алхимиков, занятых поисками философского камня, с помощью которого можно было бы превратить любой металл в золото. Богатство, награбленное в ходе войн и набегов, ценилось в среде феодалов выше накопленного путем сбережения, рационального хозяйствования, методичной эксплуатации крестьян. Богатство, раздаренное подданным, растраниженное в целях престижного потребления, поднимало социальный статус выше, чем богатство, использованное в производительных целях. Неудивительно поэтому, что не только раннее, но даже развитое западноевропейское средневековье (XI — XV вв.) не оставило для нас сколько-нибудь серьезных теоретических сочинений по экономике, написанных представителями светских феодалов. Разработка экономических вопросов с позиций господствующего класса стала уделом священнослужителей — церковных феодалов.

Духовенство было самым организованным сословием феодального общества. Обладая строгой иерархией, оно входило и в светскую систему вассалитета. Это было открытое сословие феодального общества, включавшее в себя не только феодалов, но и наиболее одаренных представителей других классов. Общественные науки являлись в этот период простыми отраслями богословия и трактовались с позиций Священного писания. Поэтому цитаты из Библии выступали как основные аргументы в споре, а компиляции из древних текстов — как способ выражения собственных взглядов. При этом авторов нисколько не смущало, что прошлое описывалось в категориях современности, а древним мыслителям приписывались средневековые экономические представления, феодальная система ценностей. Библейские тексты широко использовались, например, для осуждения ростовщичества как противоестественного средства обогащения, как явления, губящего человеческую душу. Христианское вероучение стало важным «теоретическим подспорьем» и для преодоления

характерного для античности презрительного отношения к труду. Труд в эпоху средневековья все больше рассматривается не только как наказание за грехи, но и как путь к спасению человечества.

Вопросы управления вотчинным хозяйством получили определенное развитие в произведениях монахов. Монастыри выступали как организаторы крупного, нередко; хорошо налаженного сельскохозяйственного и ремесленного производства, что нашло отражение, например, в Сен-Жерменском полиптике, Фульдском полиптике, других произведениях этой эпохи.

Нарастающее социальное неравенство, бесправное положение народных масс, правовые аспекты крепостничества фиксируют юридические памятники средневековья («Салическая правда», «Византийский земледельческий закон», «Русская правда», «Саксонское зеркало» и др.), которые являются также важными источниками экономической мысли.

Экономические воззрения народных масс дошли до нас *, в религиозной оболочке. Христианство освящало господствующий строй, поэтому нападки на феодальную эксплуатацию не могли не иметь форму богословской ереси. Однако в отличие от господствующего класса

представители народных масс апеллировали не к современному им, а к первоначальному христианству, идеи которого донесли до них тексты Священного писания. Опираясь на них, Дольчино в Италии, Ян Гус в Чехии не только использовали идеи равенства, проповедуемые ранним христианством, но и придали им антифеодальную направленность. Антифеодальную направленность носят и экономические требования, сформулированные в ходе крестьянских войн под руководством Уота Тайлера, Дьердя Дожи, Степана Разина и др.

Рост производительных сил, углубление общественного разделения труда способствовали отделению ремесла от земледелия, города от деревни. В X—XIII вв. складывается особый социальный слой феодального общества — горожане. Будучи закономерным порождением феодального строя, бюргерская культура заметно отличалась от культуры других сословий феодального общества. В сравнении с церковной и рыцарской культурой она носила более скромный характер, обусловленный как экономическими, так и социальными причинами. Богатство этого сословия зависело уже не от земельной собственности, а прежде всего от его трудовых усилий. Это предопределило аналитический склад ума и рациональную рассудительность горожанина. По сравнению с культурой крестьянских масс городская культура отличалась более высоким уровнем. Цивилизованность горожанина проявляется и в более широком использовании товарно-денежных отношений для ведения хозяйства, и в большем динамизме ее развития, в ее более светском характере, и в повышении роли грамотности и письменной культуры в целом, и в пробуждении познавательного интереса к окружающему миру. Горожанин более критично относится к себе и к другим сословиям феодального общества, любит посмеяться над слабостями и недостатками других классов и социальных групп.

Экономические представления средневековых бюргеров нашли отражение в цеховых уставах и городском праве. Цеховой строй был своеобразной феодальной организацией городского ремесла. Цеховой мастер не только работает сам, но и эксплуатирует труд учеников и подмастерьев, однако цель его эксплуатации скорее феодальная, чем капиталистическая. *«Соответствующее его сословному положению существование,— а не меновая стоимость как таковая, не обогащение как таковое,— выступает здесь целью и результатом эксплуатации чужого труда»*⁴. Феодальными были и средства достижения этой цели. Цеховые уставы осуществляют мелочную регламентацию производства каждого из членов корпорации. Они регулируют качество и количество выпускаемой продукции, число подмастерьев и учеников, технологию производства и т. д. Все эти меры принимаются с целью ограничить конкуренцию как внутри самого цеха, так и со стороны деревенского и другого нецехового ремесла. Это способствует унификации ремесла, распространению профессиональных навыков работы, стабилизации рынка, однако в то же время ограничивает капиталистические потенции цехового строя, тормозит действие закона стоимости. Поэтому в дальнейшем цеховые уставы стали препятствовать экономическому развитию.

Цехи стремились к установлению монопольных условий производства и реализации своей продукции на местном рынке. К созданию монопольных условий торговли стремились и купеческие гильдии. Укрепление городского строя, с одной стороны, и постепенный переход крестьян с барщины на натуральный, а позднее и денежный оброк—с другой, обострили противоречие между городом и деревней. «Если в средние века деревня эксплуатирует город политически повсюду, где феодализм не был сломлен исключительным развитием городов, как в Италии,— пишет К. Маркс в «Капитале»,— то город повсюду и без исключений эксплуатирует деревню экономически" своими монопольными ценами, своей системой налогов, своим цеховым строем, своим прямым купеческим обманом и своим ростовщичеством»⁵. Соотношение цен между городскими ремесленными и деревенскими сельскохозяйственными товарами отражало столкновение классовых интересов. Поэтому стала актуальной разработка учения о «справедливой цене», т. е. такой цене, которая, по мнению средневековых исследователей (Фома Аквинский и др.), не только бы возмещала издержки производства и обращения, но и обеспечивала соответствующее каждому сословию существование.

Особенностью развития экономической мысли Византии и стран Восточной Европы является ее ярко выраженный государственный характер. Многие экономические сочинения пишутся с позиций государства или апеллируют к нему (Георгий Плифон, Виссарион Никейский в Византии, И. Пересветов, А. Л. Ордин-Нащокин и др. в России). Этому способствовала и античная традиция, и более слабая (чем в Западной Европе) сословная расчлененность общества, и высокая централизация всех сфер духовной деятельности, и особенности православия, для которого характерна подчиненность церковной власти светской, и осознание национальных интересов в борьбе с иноземными захватчиками. Наряду с этими общими моментами существовали и глубокие различия. Лучшие памятники византийской экономической мысли были тепличными созданиями

высокообразованной элиты и не отражали, как в России, интересов достаточно широких слоев общества. К тому же большинство памятников русской экономической мысли относятся уже к более поздней эпохе, отражают более сложные социально-экономические условия, острее осознают проблемы, вставшие перед Русским централизованным государством.

Главной особенностью развития экономической мысли средневекового Востока является то, что она продолжала разрабатывать те же проблемы, что и в древности. Преемственность развития экономической мысли объясняется прежде всего преемственностью социально-экономического строя, названного основоположниками марксизма системой сельских общин или азиатским способом производства⁶. Для него характерны: сохранение сельской земледельческой общины в качестве основы социально-экономической структуры, незавершенность процессов классового образования, ведущая роль государственной собственности на землю, отсутствие доминирующего хозяйства, барщины и крепостного права, городов как центров ремесла и внутренней торговли. Города возникают здесь как военные ставки, места религиозного паломничества и пункты внешней торговли. В них концентрируются высшие ремесла, обслуживающие изощренные интересы господствующего класса. В центре экономической мысли средневекового Востока оказываются поэтому вопросы управления страной, налогообложения населения и обогащения государства. При этом ученые стремятся предложить такую систему мер, которая, удовлетворяя интересы господствующего класса, обеспечивала бы нормальное течение воспроизводства, мир и спокойствие в стране.

Изучение памятников экономической мысли средневекового Востока связано не только с трудностями изучения восточных языков и постижения сложных религиозных систем (индуизма, буддизма, конфуцианства, легизма, даосизма, ислама). Оно связано прежде всего с самим специфическим, символическим характером восточной культуры, обладающей известной иносказательностью, «недосказанностью», требующей особой встречной духовной работы. В Индии к этому добавляется множественность и параллельность культур, связанных с существованием кастового строя. Однако богатство и сложность формы здесь нередко сочетаются с традиционностью содержания. Поэтому экономические трактаты воспринимаются как вариации на одну и ту же тему, то обрастая все более новыми мотивами, то возвращаясь к первоначальной простоте.

Особенностью экономической мысли Китая было то обстоятельство, что ее основным автором был человек или находящийся на государственной службе, или стремящийся получить должность. Государственный чиновник выступает здесь как главный создатель духовной культуры. Неудивительно поэтому, что ведущей темой экономических сочинений по-прежнему остаются вопросы управления государством, поощрения земледелия как главной сферы производства и ремесла и торговли как дополняющих его сфер.

Большое воздействие на развитие экономической мысли Ближнего Востока оказал ислам. Арабы в ряде областей знания выступают как прямые наследники античности. Однако из ее духовного мира они усвоили больше рациональное, чем гуманистическое, начало. Поэтому мусульманская культура ближе к древневосточной культуре, чем к античной. С древневосточной литературой сочинения мусульманских авторов роднят ориентация на традиционные темы, подражание предшественникам, дидактический настрой литературы, любовь к «фундаментальным» произведениям — своеобразным энциклопедиям средневековых знаний. В этих сочинениях нередко содержатся гениальные догадки и суждения (например, в работах Ибн Хальдуна), однако, к сожалению, они не получают дальнейшего развития в трудах последующих ученых.

Сравнительное изучение экономической мысли феодальной Европы и средневекового Востока позволяет понять причины их различных исторических судеб в Новое время — эпоху становления и утверждения капитализма.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 46. Ч. I. С. 473.

² Там же. Т. 23. С. 87.

³ Там же. Т. 25. Ч. II. С. 147.

⁴ Там же. Т. 48. С. 8.

⁵ Там же. Т. 25. Ч. II. С. 365.

⁶ См. там же. Т. 9. С. 130—136, 224—230; Т. 12. С. 497—500; Т. 13. С. 7; Т. 20. С. 152, 166, 183—185, 647 и др.

Часть III

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ ПЕРИОДА РАЗЛОЖЕНИЯ ФЕОДАЛИЗМА И ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Рост производительных сил, углубление общественного разделения труда, укрепление городов как центров ремесла и торговли, превращение ренты продуктами в денежную ренту постепенно подготовили новый качественный этап в развитии феодализма. До известных пределов эти и аналогичные им процессы были совместимы, мы с экономической природой феодального строя. В то же время они создавали предпосылки для его разложения»

Города в Западной Европе были особым элементом феодальной системы. Здесь внедрялись технические открытия и рождались первичные формы капиталистического предпринимательства, ликвидировалась безграмотность и расшатывались основы средневековой схоластики, развивалось самоуправление и утилизировалось римское право. Неудовлетворенность феодальным строем, пробуждающееся аналитическое отношение к действительности, поиски героического и совершенного заставляют передовые умы обратиться к античному наследию, «возродить» его для современников. Такое обращение к прошлому стало своеобразной формой отрицания настоящего — феодальной системы ценностей, феодальных экономических представлений. Ученые эпохи Возрождения провозглашают высокие принципы гуманизма, утверждают веру в могущество человека, в его разум, язвительно смеются над предрассудками мрачного европейского средневековья (Эразм Роттердамский, Франсуа Рабле, Мигель де Сервантес Сааведра и др.). И хотя их произведения были обращены к достаточно узкому кругу интеллектуалов, а культура имела элитарный характер, тем не менее гуманисты сыграли важную роль в подготовке к восприятию новых идей более широкими слоями населения. Но для этого необходима была коренная ломка феодального мировоззрения.

В условиях, когда христианство освящало существовавший феодальный строй, движение вперед было невозможно без реформы католической церкви. В борьбе с католицизмом теоретики Реформации (Мартин Лютер, Ульрих Цвингли, Жан Кальвин) использовали антисловную направленность первоначального христианства. Идея равенства и справедливости в отношениях между людьми трансформировалась в идею эквивалентности обмена товаров, идея честного труда — в обоснование буржуазного предпринимательства и т. д. «Для общества товаропроизводителей... наиболее подходящей формой религии,— писал К. Маркс,— является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д.»¹.

Реформация сыграла важную роль в очищении массового сознания от слепой веры в Священное предание, в авторитет римско-католической церкви, освободила его от наиболее одиозных предрассудков и стереотипов мышления и тем самым повысила значение личного суждения. Это имело большое значение для развития общественно-научного знания вообще и экономической науки в частности.

Критика феодализма теоретиками Реформации была тесно связана с первыми попытками оправдания раннекапиталистического предпринимательства. Не случайно Лютер страстно борется с ростовщичеством, нападает на торгашеский феодализм, а Кальвин проповедует богоизбранность новых эксплуататоров — капиталистов.

В то же время в процессе разложения феодализма находят свое выражение экономические представления народных масс, которые более четко формулируются в ходе крестьянских восстаний (Великая крестьянская война в Германии, Крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева и др.). Мечты об устройстве будущего справедливого общества отразились в социальных утопиях позднего средневековья (Томас Мор, Томмазо Кампанелла и др.). Однако для реализации этих проектов отсутствовали необходимые предпосылки. Они стали складываться лишь в процессе так называемого первоначального накопления капитала.

Содержанием первоначального накопления капитала является создание предпосылок

капиталистических отношений, и прежде всего становление производителя нового типа, свободного как личность и лишённого средств производства и жизненных средств. Появление рабочей силы в качестве товара предполагало ликвидацию как личной, так и поземельной зависимости крестьян от феодала и освобождение ремесленников от господства цехового принуждения. Отмена наиболее тяжелых форм личной зависимости в большинстве стран Западной Европы произошла в XIV — XV вв., освобождение крестьян от поземельной зависимости — в XVI — XVIII вв.

Первоначальное накопление капитала составляет предысторию капитализма, оно происходило в недрах феодализма и методами, отличающимися от накопления капитала. Основой этого процесса является буржуазная аграрная революция, в ходе которой, с одной стороны, осуществляется массовая экспроприация земли у крестьянства, а с другой — феодальная собственность превращается «в чистую частную собственность, отбросившую всякую видимость общности [Gemeinwesen] и устранившую • какое бы то ни было воздействие государства на развитие собственности»².

Классические формы первоначальное накопление капитала приняло в Англии. Частная собственность на землю здесь расширялась и укреплялась путем конфискации*] (секуляризации) церковных и монастырских владений католической церкви, захвата государственных и насильственной узурпации общинных земель, сгона крестьян с их участков в ходе огораживания дворянских имений. Созданные таким образом земельные комплексы сдавались, в аренду капиталистическим предпринимателям — фермерам. Укреплению их положения способствовала «революция цен», результатом которой было обесценение производимых фермером денежных выплат (земельной ренты — лендлорду и заработной платы — рабочим). С конца XV до начала XVIII в. осуществляется кровавое законодательство против экспроприированных с целью снижения заработной платы и удлинения рабочего дня мануфактурных рабочих. Высвобождение значительной части сельского населения создало предпосылки для развития внутреннего рынка, однако узость его не была полностью преодолена в мануфактурный период (в Западной Европе середина XVI — последняя треть XVIII в.). Лишь разрушение сельских домашних промыслов в ходе промышленной революции создало устойчивый внутренний рынок, заложило прочные основы для развития капиталистического способа производства.

Генезис капитализма в Западной Европе был ускорен начавшимся в ходе Великих географических открытий процессом создания мирового рынка, завоеванием и ограблением добуржуазных обществ Америки, Азии и Африки. Развитие мировой торговли способствовало повышению роли купечества. Выразителем его интересов стала первая школа политической экономии — меркантилизм (XVI — XVIII вв.). Меркантилисты не были пассивными наблюдателями, они стремились активно воздействовать на экономическую жизнь с помощью абсолютистского государства. Абсолютизм, сформировавший обширную бюрократию и содержащий дорогостоящую регулярную армию, также искал источники для покрытия своих огромных расходов. Государство выплачивало жалованье военным, чиновникам и даже духовенству в денежной форме. «Абсолютная монархия,— писал К. Маркс,— нуждается... в материальном рычаге этой власти — во *всеобщем эквиваленте*, в богатстве в его постоянно готовой к бою форме, в которой оно совершенно не зависит от особых местных, натуральных, индивидуальных отношений. Абсолютная монархия нуждается в богатстве в форме денег»³. И хотя основным источником доходов абсолютной монархии была развитая налоговая система, дворянское государство отнюдь не было чуждо увеличению денежных средств за счет внешней торговли. Не случайно поэтому торговая буржуазия стремилась выдать свою точку зрения за национальный общегосударственный интерес. Протекционистская политика стала выражением временного союза дворянства с торговой буржуазией. «...Абсолютная монархия,— писал К. Маркс,— возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни одна из борющихся сторон не взяла еще верх над другой»⁴.

Другой проблемой, которая активно обсуждалась в меркантилистской литературе, было денежное обращение. Меркантилисты постоянно жаловались на недостаток денег в стране. Такие жалобы отразили исторические условия и потребности эпохи первоначального накопления капитала. Они были связаны как с внутренними, так и с внешними условиями. Открытие золотых рудников в Новом Свете и прилив американского золота в Европу в XVII в. привели к уменьшению стоимости обращающегося золота (а в конечном счете к повышению производительности труда в золотодобывающей промышленности), что способствовало бурному росту товарных цен в Европе. Другой причиной роста товарных цен были обрезание и порча монеты абсолютистским государством. Отрывая денежное обращение от товарного производства, ранние меркантилисты считали главной причиной нехватки денег вывоз золота и серебра из страны. Кроме этого они неоднократно призывали правительство прекратить порчу монеты, критиковали номиналистическую теорию денег.

Однако меркантилисты не замечали всей глубины противоречивого развития капитализма и судили об этом процессе лишь по внешнему его проявлению в сфере обращения. К тому же и это проявление понимали односторонне. Критики меркантилизма — У. Петти, Дж. Локк, Д. Норе, Дж. Вандерлинт, Р. Кантильон, Д. Юм и др. — не только обратили внимание на изъяны в анализе сферы обращения, но и стремились показать взаимосвязь этой сферы со сферой производства. Не случайно Маркс характеризовал конец XVII — первую половину XVIII в. как «период, изобилующий оригинальными умами», как период, наиболее важный «для исследования постепенного генезиса политической экономии»⁵. Экономическая литература тех лет поражает обилием трактатов, в которых выражаются самые разнообразные представления и взгляды. Именно в это время философами и экономистами были заложены основы метода классической буржуазной политической экономии, сформулированы принципы анализа буржуазной частной собственности (Дж. Локк); обоснована свобода внешней и внутренней торговли (Д. Норе); показана зависимость нормы процента от нормы прибыли (Дж. Масси, Д. Юм). Но главным достижением было постепенное осознание роли труда в развитии общества, перенесение акцента из сферы обращения в сферу производства. Зачатки такого представления можно встретить уже у Локка, а в наиболее полной форме — у Юма, который систематизировал взгляды своих предшественников.

«...Каждое правительство, — пишет Д. Юм, — имеет веские основания заботиться о сохранении своего населения и своих мануфактур. А относительно денег оно может спокойно, без страха и зависти, положиться на обычный ход человеческих дел или, если оно обращает какое-нибудь внимание на этот предмет, должно делать это лишь настолько, насколько он влияет на население и трудолюбие»⁶. Однако окончательное перенесение предмета исследования из сферы обращения в сферу производства связано с именами классиков буржуазной политэкономии.

Временный союз дворянства и буржуазии, нашедший свое классическое выражение в меркантилистской политике абсолютизма, был недолговечен. Стремление к регламентации производства, нормативность и авторитарность абсолютизма все больше становились тормозом развития капитализма. Окрепшая мануфактурная буржуазия все меньше нуждалась в поддержке со стороны абсолютистского государства. Все чаще появляются работы, критикующие протекционизм и обосновывающие принципы свободной торговли.

Значительный вклад в развитие светского характера культуры внесло и Просвещение, идеологи которого выдвинули лозунг свободы, равенства и братства. Они рассматривали эти буржуазные права в универсальной, антисловесной форме, считая их не порождением определенной исторической эпохи, а естественными (природными) свойствами любого нормального человека. Поэтому философы эпохи Просвещения апеллируют к «естественным потребностям», «естественному разуму», «естественным правам» человека. Интерес к его внутреннему миру способствует подъему чувства личности, еще не осознавшей антагонистический характер нового, рождающегося капиталистического общества. Развитие личности проявляется и в том, что человек на пороге Нового времени ставит перед собой

более широкие и глубокие задачи в науке и творчестве. В истории экономической науки это проявилось в рождении классической буржуазной политической экономии.

«Политическая экономия... как самостоятельная наука возникает лишь в мануфактурный период...»⁷ Ее первыми представителями были Уильям Петти (1623—1687) в Англии и Пьер Буагильбер (1646—1714) во Франции. Оба они предприняли попытку свести стоимость к труду и тем сделали решающий шаг в сторону научной политической экономии, открывшей источник капиталистического богатства в сфере производства. Во Франции ведущей отраслью оставалось земледелие. Поэтому представители французской классической буржуазной политической экономии — физиократы — источник прироста капитала искали в земледелии, а «чистый доход» рассматривали как дар природы. Глава школы физиократов Франсуа Кенэ заложил основы теории воспроизводства общественного капитала. «Политическая экономия,— отмечали К. Маркс и

Ф. Энгельс,— которая прежде разрабатывалась либо финансистами, банкирами и купцами, т. е. вообще лицами, непосредственно имевшими дело с экономическими отношениями, либо же людьми всестороннего образования, как Гоббс, Локк, Юм, для которых она имела значение одной из отраслей энциклопедического знания,— эта политическая экономия только благодаря физиократам превратилась в особую науку и с тех пор стала разрабатываться как таковая»⁸.

Буржуазная политическая экономия сыграла важную роль в теоретической подготовке буржуазных революций. Особенно большое влияние оказало учение физиократов на Великую французскую революцию 1789—1794 гг. Не случайно поэтому К. Маркс высоко оценил творчество «Тюрго, который — в смысле прямого влияния — является одним из отцов французской революции»⁹.

Развитие производительных сил, капиталистического уклада неминуемо должно было вступать в непримиримое противоречие с феодальной системой производственных отношений, с абсолютной монархией. В середине XVII — XVIII в. создаются материальные предпосылки для буржуазных революций, в которых буржуазия выступает как передовой класс, стоящий во главе антифеодальной борьбы городского плебса и эксплуатируемого крестьянства.

Английская революция 1648 г. и французская 1789 г. имели общеевропейское значение. Они означали не только победу буржуазии, но и «победу нового общественного строя, победу буржуазной собственности над феодальной, нации над провинциализмом, конкуренции над цеховым строем, дробления собственности над майоратом, господства собственника земли над подчинением собственника земле, просвещения над суеверием, семьи над родовым именем, предприимчивости над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями»¹⁰.

Революции — локомотивы истории. В ходе революций растет сознание народных масс, углубляется радикальная трактовка буржуазных лозунгов, накапливаются предпосылки для превращения социализма из утопии в науку. Поэтому генезис капитализма имеет важное значение для формирования не только буржуазной, но и социалистической мысли.

Иными путями проходил процесс разложения феодализма в Восточной Европе (Пруссии, Польше, России и некоторых других странах). Начиная с XVI в. наступает период феодальной реакции, расширения барщины и усиления крепостничества (так называемое второе издание крепостничества). В XVII — XVIII вв. в Пруссии, Польше и России складывается своеобразная ситуация, когда развитие капиталистического уклада сопровождается усилением крепостничества. Тем самым формируется тенденция к превращению феодальной монополии на личность крепостного в монополию рабовладельческого типа, а феодальной монополии на землю — в монополию частной собственности на землю. На этой основе развиваются особо острые формы кризиса феодализма, подготовившие необходимость буржуазных реформ и решения аграрного вопроса. Эти проблемы становятся центральными в трудах дворянских революционеров России.

Раздел I

**ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ БУРЖУАЗНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
МЫСЛИ**

Глава 18

**КРИЗИС ФЕОДАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА
ЭКОНОМИЧЕСКУЮ МЫСЛЬ ПОЗДНЕГО
СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

**1. Критика торгашеского феодализма и обоснование буржуазного
предпринимательства. М. Лютер и Ж. Кальвин**

В XIV — первой половине XV в. заметно оживилось развитие промышленности в Германии. Этому способствовали укрепление цехового строя, расширение торговли, увеличение добычи серебра. Германия занимала в то время первое место в Европе по добыче этого благородного металла. Однако факторы, способствовавшие ускорению ее социально-экономического развития, оказались недолговечными. В конце XV — XVI в. цеховой строй уже все больше тормозил развитие: шел процесс «замыкания цехов». Великие географические открытия привели к переориентации главных торговых путей. Усиливавшееся отставание немецкой промышленности по сравнению с промышленностью других европейских стран приводило ко все большему оттоку благородных металлов из Германии. В условиях феодальной раздробленности < в стране не оказалось силы, способной защитить национальную промышленность от конкуренции иностранных • товаров. Развитию как внешней, так и внутренней торговли препятствовало то, что германская империя состояла почти из тысячи княжеств и территорий. Процесс перехода к капитализму затянулся. Буржуазные тенденции оказались слабыми, а феодализм был еще достаточно силен и пытался своими феодальными методами приспособиться к меняющимся условиям. Дух наживы и жажда стяжательства проникают в среду феодалов. Их интересы все глубже, все теснее переплетаются с ростовщичеством, усиливая эксплуатацию крестьянства и бюргерства. «Ростовщичество не изменяет способа производства, но присасывается к нему как паразит и доводит его до жалкого состояния. Оно высасывает его, истощает и приводит к тому, что воспроизводство совершается при все более скверных условиях»¹. Возникает отвратительное явление позднего средневековья — торгашеский феодализм. Развивающиеся товарно-денежные отношения обостряют и обнажают социально-экономические противоречия, разрушая феодальные патриархальные формы, маскировавшие эксплуатацию в более ранний период. Перед идеологами бюргерства встают проблемы разграничения раннекапиталистического предпринимательства, с одной стороны, и позднефеодального стяжательства — с другой². Появляется необходимость, во-первых, социально-экономического, политического и идеологического (морально-этического и даже религиозного) оправдания «честного» (основанного на законах капиталистической конкуренции) «делания денег» и, во-вторых, осуждения паразитического (основанного на насилии и грабеже, ростовщичестве и внеэкономическом принуждении) накопления богатств класса феодалов.

Положение осложнялось тем, что монополией на образование и культуру в этот период обладали церковные феодалы, католическая церковь. Она выступала, по меткому замечанию Ф. Энгельса, «в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя»³. В отличие от светских феодалов церковь опиралась на строгую иерархию и действовала как наднациональная, в известном смысле космополитическая, феодальная организация. В этих условиях выступить с критикой религиозного мировоззрения означало нанести удар не только по отдельному феодалу, но и по феодальной системе в целом. Положение, однако, облегчалось тем, что отношения торгашеского феодализма проникли и в церковную среду. Разложение католической церкви проявлялось в разложении не только церковных институтов, но и христианского мировоззрения. Все больше обнажалось противоречие между первоначальным христианством и римско-католической церковью позднего средневековья, которое

проявлялось в форме противоречия между Священным писанием (Библией) и Священным преданием (декретами и постановлениями церковных соборов и римского папы).

Одними из первых, кто обратил внимание на это противоречие, были гуманисты Рудольф Агрикола (1444—1485), Якоб Вимфелинг (1450—1528), Себастьян Брант (ок. 1458—1521), Иоганн Рейхлин (1455—1522), Эразм Роттердамский (1469—1536), Генрих Бебель (1472—1518), Ульрих фон Гуттен (1488—1523). Наиболее крупный из них — Эразм Роттердамский (Герхардт Гер-хардс) в 1517 г. издал греческий текст Нового завета и его латинский перевод, который сопроводил своим комментарием к евангелиям. Строго филологический подход к текстам Нового завета явился важной предпосылкой для последующей исторической критики Священного писания. В начале XVI в. такое издание создавало условия прежде всего для критики схоластического формализма и официальной философии господствующей католической церкви.

Наибольшую известность получило произведение Эразма Роттердамского, которое он назвал «Похвала Глупости». Используя форму пародии, Роттердамец издевается над порядками позднесредневекового общества. «...В человеческом обществе,— пишет он,— все полно глупости, все делается дураками и среди дураков»⁴, поэтому, чтобы голос разума был услышан, он вынужден надевать на себя шутовской колпак.

Гуманисты подготовили Реформацию. Они так же, как позднее теоретики Реформации, обращались к раннему христианству первых веков нашей эры в борьбе со схоластическим формализмом, невежеством и продажностью римско-католической церкви, способствовали просвещению передовой, образованной части феодального общества. Тем не менее гуманизм носил элитарный характер, нуждался в поддержке меценатов, затронул лишь сравнительно небольшую часть интеллигенции. Необходимо было более демократическое учение, обращенное к более широкой аудитории, которое могло бы привести массы в движение. Оно должно было апеллировать не только к разуму человека, но и к его чувствам.

Как уже отмечалось, в силу господствующего положения католической церкви критика существующего строя не могла не принять форму богословской ереси — требования реформы церкви. Движение назад — обращение к первоисточнику — характерно для всякой религии. Однако в условиях становления капитализма критики разлагающейся католической церкви означала нападение на крупнейшего феодала, которому в Европе принадлежала треть земель. Требование реформы церкви превращалось, таким образом, в первый и сильнейший удар по феодальной системе в целом. Не случайно поэтому Ф. Энгельс назвал Реформацию первой буржуазной революцией. «Реформация,— лютеранская и кальвинистская,— писал он,— это буржуазная революция № 1 с крестьянской войной в качестве критического эпизода»⁵.

Рассмотрим экономические взгляды теоретиков Реформации Мартина Лютера и Жана Кальвина подробнее.

Доктор богословия, магистр свободных искусств, монах-августинец Мартин Лютер (1483—1546) родился и вырос в бюргерской среде. 31 октября 1517 г. на двери своей церкви в Виттенберге он вывесил 95 тезисов против индульгенций, что положило начало Реформации в Германии. Лютер развивал тезис о том, что спасение души (оправдание) возможно прежде всего не через церковь и ее формальные обряды (и уж тем более не через покупку индульгенций), а через истинную веру — веру в Священное писание, а не в Священное предание. Позднее, уже в ходе Реформации, Лютер и его последователи пришли к отрицанию церковной иерархии, культа святых, церковного богатства и монашества, что способствовало подчинению духовной власти светской, упрощению церковной догматики и богослужения, объективно оправдывало секуляризацию церковных земель, открывало путь к созданию необходимой для буржуазии дешевой церкви. Неудивительно, что «под знаменем *бюргерско-умеренной лютеровской* реформы объединились имущие элементы оппозиции — масса низшего дворянства, бюргерство и даже часть светских князей, рассчитывавших обогатиться посредством конфискации церковных имуществ и стремившихся использовать удобный случай для завоевания большей независимости от империи»⁶.

Критика экономических основ торгашеского феодализма была органической составной частью взглядов Мартина Лютера. К. Маркс считал его старейшим немецким поли-тико-экономом⁷ и неоднократно цитировал его произведения в «Экономических рукописях 1857—1859 годов», в «К критике политической экономии», в первом и третьем томах «Капитала», в «Теориях прибавочной стоимости». «Лютер,— пишет Маркс,— знает капитал, естественно, лишь в двух его допотопных [формах]: в форме капитала, приносящего проценты, и торгового капитала»⁸. М. Лютер различает внутреннюю и внешнюю торговлю, при этом одобряет первую и осуждает вторую. «Нельзя отрицать,— пишет он в книге «О торговле и ростовщичестве» (1524),— что купля и продажа — вещь нужная, без которой нельзя обойтись; и можно покупать по-христиански, особенно вещи, служащие потребностям и приличию, ибо

и патриархи покупали и продавали таким образом скот, шерсть, хлеб, масло, молоко и прочие блага... Но *внешняя торговля*, которая из Калькутты и Индии и т. д. привозит товары вроде драгоценных шелков, золотых изделий и пряностей, служащих роскоши, а не пользе, и высасывает из страны и из населения деньги, не должна была бы допускаться, если бы мы имели единое правление и государя»⁹.

В критике внешней торговли слышатся не только натурально-хозяйственные, но и ранние меркантилистские мотивы. Лютер выступает прежде всего против торговли предметами роскоши, которая развивает «щегольство и обжорство». Он критикует и торговлю предметами первой необходимости (в частности, английским сукном), ибо такая торговля способствует оттоку из страны золота и серебра. Это происходит потому, что существует политическая раздробленность страны. Единое немецкое государство, по его мнению, препятствовало бы этому процессу. Утечка драгоценной монеты из страны способствует росту задолженности ростовщикам.

Лютер выступает против оправдания высокой купеческой прибыли риском, связанным с торговлей. К тому же на практике, считает он, торговля нередко сопровождается грабежом и разбоем. «Но так как сами купцы творят столь великое беззаконие и противохристианское воровство и разбой по всему миру и даже по отношению друг к другу, то нет ничего удивительного в том, что бог делает так, что столь большое имущество, несправедливо приобретенное, снова утрачивается или подвергается разграблению, а их самих вдобавок еще избивают или захватывают в плен... Так он бьет одного злодея другим...»¹⁰

Однако наибольшую ненависть вызывает у Лютера ростовщичество. Его критике посвящена и другая специальная работа — «Наказ приходским священникам выступать с проповедями против ростовщичества», изданная в Виттенберге в 1540 г. Экономические взгляды Лютера тесно связаны с его религиозной концепцией, в частности с его теорией двух порядков. Понимая, что в современной ему действительности невозможны отношения между людьми в строгом соответствии со Священным писанием, он обосновывает необходимость светской власти. Главной задачей светской власти и церкви в этот период должна была стать, по мысли Лютера, борьба с ростовщичеством. Светская власть при этом должна действовать силой, а церковь — убеждением и советами. При этом, считает

Лютер, князья должны управлять разумно, т. е. не только опираться на писанные законы и рекомендации юристов, но прежде всего действовать на благо своих подданных. Поэтому Лютер оправдывает мелкое ростовщичество сирот, вдов и стариков, если оно вызвано бедностью. К тому же он считает необходимым законодательно ограничить норму процента. Лютер приводит, в частности, в качестве исторических примеров деятельность Солона в Афинах и Неемии в Иудее, ограничивших процент по ссудам 12 % в год, а также деятельность Александра Македонского и Юстиниана. Однако так как в раздробленной Германии «светская власть нерадива и ленива, а частично слишком слаба, чтобы защитить от такой беды (какой является ростовщичество.— *Авт.*), то священники,— считает Лютер,— должны учить народ и приучать его к тому, чтобы ростовщиков и скряг принимать за живых чертей...». Поэтому Лютер уделяет главное внимание разоблачению оснований для изъятия процента, учит распознавать замаскированные формы ростовщичества, различает ссуду и

займ, кредит в товарной и денежной форме, т. е. по существу коммерческий и банковский кредит. Он гневно осуждает любые попытки оправдания взимания процента. Критикуя ростовщика, Лютер не только показывает страсть к накоплению, характерную для этой допотопной формы капитала, но и дает наглядный образ капитала вообще. «Язычники,— пишет Лютер,— могли заключить на основании разума, что ростовщик есть четырежды вор и убийца. Мы же, христиане, так их почитаем, что чуть не молимся на них ради их денег... Кто грабит и ворует у другого его пищу, тот совершает такое же великое убийство (насколько это от него зависит), как если бы он морил кого-нибудь голодом и губил бы его насмерть. Так поступает ростовщик; и все же он сидит спокойно в своем кресле, между тем как ему по справедливости надо бы быть повешенным на виселице... Поэтому на земле нет для человека врага большего (после дьявола), чем скряга и ростовщик, так как он хочет быть богом над всеми людьми... Ростовщик же или скряга хочет, чтобы весь мир для него голодал и томился жаждой, погибал в нищете и печали, чтобы только у него одного было все и чтобы каждый получал от него, как от бога, и сделался бы навеки его крепостным...»¹¹ Лютер рассматривает ростовщический капитал как накопленный (или, точнее, капитализированный) процент. «Вообще наиболее сильным моментом в его полемике,— пишет К. Маркс,— является то, что главным пунктом нападения он избирает *врастание процента в капитал*»¹².

Другой его сильной стороной была критика торгашеского феодализма — союза ростовщиков и дворян. «...Исполняется пророчество Исайи,— пишет он,— князья твои стали сообщниками воров. Ибо они вешают воров, укравших гульден или полгульдена, и якшаются с теми, которые грабят весь мир и воруют с большей безопасностью, чем все другие, как бы для того, чтобы оставалась верной поговорка: крупные воры вешают мелких воров, и, как говорил римский сенатор Катон: простые воры сидят в тюрьмах и закованы в цепи, а государственные воры расхаживают в золоте и шелках. Что же в конце концов скажет об этом бог? Он сделает так, как он говорит устами Иезекииля: князей и купцов, одного вора с другим, он сплавит вместе, как свинец и медь, как бывает, когда выгорает город, чтобы не было больше ни князей, ни купцов. Я опасюсь, что это уже на пороге»¹³.

Критикуя представителей торгашеского феодализма, Лютер выступает на стороне предприимчивого и делового хозяина, бюргера, превращающегося в мелкого буржуа. Поэтому он осуждает праздность, критикует сословную иерархию, утверждая, что между людьми есть «лишь различие по должности и делу, а не по званию»¹⁴. Он отмечает важнейшую роль труда в «призвании» человека. Эти мотивы морального оправдания буржуазного предпринимательства получают еще большее развитие в учении о богоизбранности Жана Кальвина (1509—1564).

В своем главном сочинении «Наставление в христианской вере» (1536) он развил учение о божественном предопределении. Согласно его вероучению, одних бог предопределил к спасению и вечному блаженству (избранные), других — к осуждению и вечным мукам (осужденные). Хотя предопределение фатально, никто, однако, не знает, что ждет его лично: спасение или осуждение. Каждый христианин должен думать, что именно он — божий избранник, и в своей деятельности, своей профессии должен доказать свою избранность. В качестве показателя избранности Кальвин берет денежное богатство — эту абстрактно-всеобщую, универсальную форму выражения успеха в капиталистическом обществе.

В соответствии с потребностями буржуазии кальвинизм еще более упростил христианский культ, ориентируясь уже не только на Новый, но и на Ветхий завет. Новое вероучение, выражая интересы буржуазии эпохи первоначального накопления, пропагандировало мирской аскетизм. Бережливость и расчетливость, скопидомство и накопительство объявляются первейшими гражданскими обязанностями каждого представителя нарождающегося буржуазного класса. Кальвинизм стал идеологией наиболее передовой части буржуазии, теоретическим оружием Нидерландской и Английской буржуазных революций. «...Там, где Лютера постигла неудача,— писал Ф. Энгельс,—

победил Кальвин. Его догма отвечала требованиям самой смелой части тогдашней буржуазии. Его учение о предопределении было религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. Определяет не воля или действие какого-либо отдельного человека, а милосердие могущественных, но неведомых экономических сил. И это было особенно верно во время экономического переворота, когда все старые торговые пути и торговые центры вытеснялись новыми, когда были открыты Америка и Индия, когда даже наиболее священный экономический символ веры — стоимость золота и серебра — пошатнулся и потерпел крушение. Притом устройство церкви Кальвина было насквозь демократичным и республиканским; а где уже и царство божие республиканизировано, могли ли там земные царства оставаться верноподданными королей, епископов и феодалов? Если лютеранство в Германии стало послушным орудием в руках князей, то кальвинизм создал республику в Голландии и деятельные республиканские партии в Англии и прежде всего в Шотландии.

В кальвинизме нашло себе готовую боевую теорию второе крупное восстание буржуазии. Это восстание произошло в Англии»¹⁵.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 145—146. •> ² Подробнее см.: Соловьев Э. Ю. Непобежденный еретик: Мартин Лютер и его время. М., 1984. С. 40—44, 85—88.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 361.

⁴ Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. М., 1983. С. 83.

⁵ Архив Маркса и Энгельса. Т. X. М., 1948. С. 356. См. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 85.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 364.

⁷ Там же. Т. 46. Ч. II. С. 430.

⁸ Там же. Т. 26. Ч. III. С. 555.

⁹ Цит. по: Там же. Т. 46. Ч. II. С. 430.

¹⁰ Цит. по: Там же. Т. 25. Ч. I. С. 364.

¹¹ Luther Martin. An die Pfarrherren, wider den Wucher zu predigen. Vermahnung. I/III//Fabinnke G. Luther als Nationalökonom. Berlin, 1963. S. 220, 205, 219.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 555.

¹³ Цит. по: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 26. Ч. III. С. 556.

¹⁴ Лютер М. К христианскому дворянству немецкой нации//Источники по истории Реформации. М., 1906. Вып. 1. С. 5.

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 308.

¹⁶ Там же. Т. 7. С. 371.

¹⁷ Там же. С. 368—376, 424; Смирин М. М. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М., 1955. С. 251—292.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 7. С. 402—403.

¹⁹ См. там же. С. 435.

²⁰ Там же. Т. 20. С. 17—18.

²¹ Мор Томас. Утопия. М., 1953. С. 58—66.

²² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 730, 731, 746.

²³ См.: Мор Томас. Указ. соч. С. 97, 110—126, 129—134, 136—140, 167, 168.

²⁴ См.: Кампанелла Т. Город Солнца. М., 1954. С. 45, 56—58, 69—71, 84, 85.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 21.

Глава 20

КРИТИКИ МЕРКАНТИЛИЗМА

Критика меркантилизма появилась одновременно с его возникновением. Меркантилистскую политику критиковали как дворяне, так и нарождавшиеся

промышленные капиталисты. Критика существовала и в рамках самого меркантилизма. Это происходило потому, что меркантилистская литература носила главным образом практический характер, была посвящена решению частных, волновавших в данное время вопросов. Представители меркантилизма отнюдь не были кабинетными учеными, они, как правило, были купцами, имели собственное коммерческое дело или служили по торговой или таможенной части. Естественно, что эти люди нередко расходились между собой во мнениях относительно тех или иных мер, способов и путей обогащения государства за счет внешних

источников. Не существовало единства среди меркантилистов еще и потому, что отсутствовала единая теория. Да и поздние меркантилисты, сторонники активного торгового баланса, критиковали своих ранних предшественников, сторонников активного денежного баланса, которых К. Маркс назвал представителями монетарной системы.

Шел сложный процесс становления классической буржуазной политической экономии. Создавали новую науку люди разных профессий: философы и медики, купцы и коммерсанты, чиновники и священники. «Первоначально политической экономией,— писал К. Маркс,— занимались философы, как Гоббс, Локк, Юм, коммерческие и государственные люди, как Томас Мор, Темпл, Сюлли, де Витт, Норе, Ло, Вандерлинт, Кантильон, Франклин, теоретической стороной ее особенно занимались, и притом с величайшим успехом, медики, как Петти, Барбон, Ман-девилль, Кенэ»¹.

Целью данной главы является не выяснение всех подробностей этой многообразной бурно протекавшей критики, а лишь выявление таких направлений, которые подготавливали рождение и способствовали становлению классической буржуазной политической экономии. Здесь сознательно опущена критика меркантилизма со стороны тех представителей классической буржуазной политической экономии, которым посвящены специальные главы и разделы (У. Петти, П. Буагильбер, Ф. Кенэ, А. Тюрго). Ученые, представленные в данной главе, сумели преодолеть в тех или иных вопросах меркантилистские представления и тем способствовали становлению классической буржуазной политической экономии, а в трактовке отдельных вопросов выступают уже с позиций классиков буржуазной экономической науки. Рассматривается попытка защиты меркантилизма, предпринятая в 1767 г. Джеймсом Стюартом, который во многом перерос меркантилизм, однако в главном и основном — в вопросе об ис-трчнике прибавочной стоимости — остался меркантилистом.

1. Теоретические основы критики меркантилизма. Дж. Локк

Меркантилистская литература, как уже отмечалось, носила главным образом эмпирический, практический характер. Поэтому для того, чтобы преодолеть поверхностно-описательный характер, необходимо было выработать новый, более глубокий теоретический метод. Важную роль в этом сыграл английский философ и экономист Джон Локк (1632—1704). Занятия естествознанием позволили ему, опираясь на достижения естественных наук, создать эмпирическую философию. Она основывалась на внешнем и внутреннем опыте. Локк, по меткому замечанию К. Маркса и Ф. Энгельса, «обосновал философию *bon sens*, здравого человеческого смысла, т. е. сказал косвенным образом, что не может быть философии, отличной от рассудка, опирающегося на показания здоровых человеческих чувств»².

Естественные науки накопили в XVII в. новые факты и наблюдения, которые нуждались в первичном осмыслении и группировке. Концепция Локка отвечала требованиям эпохи. Он стремился свести сложное к простому, открыть такие положения и идеи, через которые можно понять всю совокупность явлений.

В качестве главного его метода выступает анализ.

Однако Локк создал предпосылки для преодоления меркантилизма не только своей теорией познания, но и своей социальной философией, а также своими экономическими сочинениями.

В произведениях Локка были заложены основы правовых представлений теоретиков буржуазного общества, методологические предпосылки подхода к человеку как к

освобожденному от многочисленных личных связей, опутывавших его в эпоху средневековья, как к экономическому индивиду, который позднее станет главным действующим лицом в произведениях А. Смита и Д. Рикардо. «Взгляды Локка,—писал К. Маркс,—имеют тем более важное значение, что он является классическим выразителем правовых представлений буржуазного общества в противоположность феодальному; кроме того, его философия служила всей позднейшей английской политической экономии основой для всех ее представлений»³.

Так, для развития политической экономии важное значение имело обоснование частной собственности как неотъемлемого атрибута самого человека. Оно получило свое развитие в «Двух трактатах о государственном правлении» (1690). В этом произведении Локк исходит из того, что первоначально существовало естественное состояние людей, для которого была характерна общая собственность человечества на продукты, «и никто первоначально не имел частной собственности на что-либо из них, исключая остальную часть человечества». Благодаря своему труду люди приспособливают данное природой для удовлетворения своих потребностей. Но тем самым они делают продукт труда своей собственностью. «...Труд (человека.— *Авт.*),— пишет Дж. Локк,— создал разницу между этими вещами и общим; он прибавил к ним нечто большее, чем то, что природа, общая мать всего, сотворила; и, таким образом, они стали его частной собственностью». Поэтому Локк считает, что «именно труд создает различия стоимости всех вещей» и что «если мы будем правильно оценивать вещи, которые мы используем, и распределим, из чего складывается их стоимость, что в них непосредственно от природы и что от труда, то мы увидим, что в большинстве из них девяносто девять сотых следует отнести всецело на счет труда»⁴.

Таким образом, теория частной собственности у Локка тесно связана с трудом, который не только является первоначальным источником собственности, но и лежит в основе стоимости произведенных человеком продуктов. Правда, как справедливо отмечал К. Маркс, под стоимостью (*value*) Локк понимает не меновую, а потребительную стоимость, ее источником служит не абстрактный, а конкретный труд⁵. Избыток стоимости, который не есть результат труда, рассматривается Локком как дар природы и является первоначально общей собственностью. Однако с возникновением денег появляется возможность нарушить первоначальное равенство, основанное на индивидуальной собственности. Таким образом, деньги — это фактор, который позволяет расширить рамки собственности, основанной на личном труде. «Деньги,— говорит Локк,— бесплодны и ничего не производят; вся польза, которая из них извлекается, заключается в том, что в силу взаимного соглашения они переносят ту прибыль, которая была вознаграждением за труд одного человека, в карман другого»⁶.

Таким образом, деньги, по мысли Локка, приобретают способность приносить процент так же, как и земля приносит ренту. Однако в этом единстве он видит и различие. Оно заключается в том, что если «земля естественным образом производит нечто новое и полезное, ценное для человечества», то деньги лишь служат основанием для «перенесения», перераспределения прибыли «из кармана одного в карман другого». И в том и в другом случае источником прибавочной стоимости выступает у Локка чужой неоплаченный труд, присваиваемый собственниками земли и капитала. Этот вывод знаменует значительный шаг вперед по сравнению с меркантилистами, видевшими источник прибавочной стоимости в сфере обращения. Более того, согласно Локку, такое положение является политическим изобретением, отрицающим первоначальное естественное состояние, когда чистая собственность покоится на собственном труде. Здесь содержатся зачатки принципиального различия, существующего между капиталистической частной собственностью и частной собственностью мелкого товаропроизводителя. И это специально выделяет К. Маркс. «Если общее воззрение Локка на труд,— пишет он в «Теориях прибавочной стоимости»,— сопоставить с его воззрением на *происхождение процента и ренты*,— ибо прибавочная стоимость выступает у него только в этих определенных формах,— то прибавочная стоимость оказывается не чем иным, как *чужим трудом*, прибавочным трудом, присваивать

который дают возможность своим собственникам земля и капитал, эти условия труда. А собственность на большее количество условий труда, чем то количество их, которое человек может использовать своим собственным трудом, представляет собой, по Локку, *политическое* изобретение, находящееся в противоречии с естественноправовой основой частной собственности»⁷.

Мы видим, что политические и правовые взгляды Дж. Локка тесно связаны с его экономическими воззрениями, а они в свою очередь посвящены актуальным проблемам экономической теории. Характерно в этом плане название специального экономического сочинения Дж. Локка «Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег государством» (1691). Оно прямо и непосредственно связано с теми проблемами, которые волновали в это время меркантилистов.

Обоснование принципов индивидуализма позволило Локку выдвинуть на первый план идею стихийной, свободной закономерности рынка, сформулировать зачатки теории спроса и предложения. В отличие от меркантилистов, апеллировавших к правительству, к государственному регулированию товарного и денежного обращения, Локк утверждает стихию рынка, рассматривает соотношение покупателей и продавцов как главную причину образования рыночной цены.

Исследуя природу денег, Локк пытался преодолеть металлистические представления о сущности денег. Он высказывался в духе номиналистской теории, хотя и непоследовательно. Но даже эти колебания означают определенный шаг вперед по сравнению с меркантилистами, слепо разделявшими металлистические иллюзии. «Уже Локк говорил, что золото и серебро имеют якобы только воображаемую или условную стоимость;—пишет К. Маркс в «К критике политической экономии»,— это — первая грубая форма противоположности по отношению к утверждению монетарной системы, что только золото и серебро имеют истинную стоимость»⁸.

Творчество Дж. Локка носило в целом прогрессивный характер. Локк «представлял новую буржуазию во всех ее формах — промышленников против рабочих и пауперов, коммерсантов против старомодных ростовщиков, финансовую аристократию против государственных должников...»⁹.

2. Требование свободной торговли. Д. Норе

Если Дж. Локк заложил методологические и теоретические основы критики меркантилизма, то Дадли Норе (1641 —1691) критиковал меркантилистов прежде всего как практик. Будучи английским купцом и прекрасно зная тонкости торгового дела, Норе сумел обобщить и осмыслить свои наблюдения в памфлете «Рассуждения о торговле, преимущественно о проценте, монетной системе, сокращении и увеличении денег» (1691), опубликованном уже после его смерти. Эту работу высоко оценил Д. Рикардо, а К. Маркс назвал Норе «одним из самых значительных теоретиков-экономистов своего времени»¹⁰. Норе выступает против вмешательства государства в экономику, и прежде всего против ограничения правительством условий развития внешней торговли и промышленности, против законодательного ограничения ставки процента. По существу это была открытая критика меркантилистской политики, всецело опиравшейся на государственную власть. В 1701 г. выходят его «Соображения об Ост-Индской торговле». В этой работе Норе критиковал ранних меркантилистов с позиции позднего меркантилизма. Он отстаивал экономическую выгодность покупки товаров в Индии с целью перепродажи другим странам, т. е. выступал как сторонник активного торгового баланса.

Главными теоретическими проблемами, в разработку которых Д. Норе внес наибольший вклад, являются обоснование свободной торговли и характеристика денежного обращения и обращения капитала, в частности вопрос об уровне ссудного процента.

Большое внимание к вопросам денежного обращения было вызвано «революцией цен». В XVII в., как уже отмечалось в главе 19, рост цен на товары в связи с увеличением добычи и снижением стоимости производства драгоценных металлов поставил так называемую проблему недостатка денег, с которой связывался застой в торговле. Поэтому

так обостренно дискутировался вопрос о вывозе денег из Англии в Голландию, Индию и другие страны. Ранние меркантилисты, сторонники монетарной системы, искали ответа на вопрос в самом денежном обращении, связывали недостаток денег с порчей монеты государством, всячески препятствовали вывозу золота и серебра в другие страны. Поздние меркантилисты ищут ответа на этот вопрос во взаимосвязи торгового и денежного обращения, в государственной политике, которая способствует активному торговому балансу и в конечном итоге приводит к увеличению денег в стране. Шаг вперед по сравнению с поздними меркантилистами делает Д. Норе.

Исследуя вопрос о недостатке денег в стране, Норе рассматривает различные классы. «Чего желают те люди, которые нуждаются в деньгах?— спрашивает он.— Я начну с нищего... Ему нужны не деньги, а хлеб и другие необходимые вещи... Фермер жалуется на недостаток денег... Он думает, что, если бы в стране было больше денег, он получал бы лучшие цены за свои товары. Тогда, значит, не деньги... ему нужны, но хорошие цены на его зерно и скот, которые он хотел бы продать, но не может... Купец и лавочник одинаково нуждаются в деньгах, вернее, нуждаются в сбыте товаров, которыми они торгуют...»¹¹ Таким образом, Норе показывает, что главная причина недостатка денег коренится не в деньгах как таковых.

В условиях золотомонетного стандарта не может быть избытка или недостатка денег. Когда деньги (золото и серебро), считает Норе, имеются в большем количестве, чем это нужно для торговли, они переплавляются в предметы роскоши; когда их не хватает в обращении, золотые и серебряные вещи превращаются в звонкую монету. «Эти отливы и приливы денег,— язвительно замечает Норе,— регулируются сами по себе, без помощи со стороны политиков». Преодоление абсолютизации денег как главной цели обмена приводит Норда к обоснованию требования свободной торговли, как внешней, так и внутренней.

Трудолюбивая нация, считает Норе, не только удовлетворяет свои потребности, но и обогащается за счет торговли, ввозя сырье и вывозя готовую продукцию. «При таком ходе торговли,— пишет Норе,— золото и серебро ничем не отличаются от других товаров, но берутся у тех, кто имеет их много, и передаются тем, кто в них нуждается и желает иметь их, что приносит такой же барыш, как и другие товары. Таким образом деятельная благоразумная нация богатеет, а медлительные лентяи беднеют».

Норе по существу формулирует положение о саморегулировании денежного обращения в соответствии с обращением товаров, утверждая, что недостатка денег нет и что государственные меры по увеличению количества денег в стране не только бесполезны, но даже вредны, так как тормозят развитие торговли. «Ни один народ никогда еще не разбогател с помощью политики,— пишет Норе,— лишь мир, труд и свобода приносят торговлю и богатство, и больше ничего». Это очевидное, с его точки зрения, положение и не понимают меркантилисты, против которых направлен его памфлет. «...Это положение, такое простое и единственно правильное,— пишет Норе,— редко настолько хорошо понимается, чтобы быть принятым большинством человечества. Люди думают силою законов удержать в своей стране все золото и серебро, которые приносит торговля, и таким путем надеются разбогатеть немедленно. Все это глубоко ошибочно и является лишь препятствием росту богатства во многих странах»¹⁴.

Норе резко выступает против законодательного регулирования цен и условий торговли. Такое регулирование, по его мнению, «может принести пользу лишь тем, кому случайно такой способ подходит, но общество от этого не выиграет ничего...». Норе последовательно доказывает, что «никакие законы не могут устанавливать цены на товары, размеры которых... будут устанавливаться сами. Но если такие законы издаются и действуют, то они служат препятствием к торговле, а потому пагубны»¹⁵.

У Нурса имеется понимание различия между образованием сокровищ и самовозрастанием денег, т. е. между деньгами в качестве денег и деньгами в качестве капитала. «Хотя каждый желает иметь их (деньги.—Лег.), все же почти никто или очень немногие хранят их, но сейчас же находят способ избавиться от них, зная, что от денег,

которые лежат мертвым капиталом, не приходится ожидать пользы, но лишь определенную потерю»¹⁶. Норе справедливо считает, что деньги становятся капиталом только в движении, в обращении, поэтому он выступает против задержки денег в стране, так как эта задержка превращает их в сокровища, между тем как, пустив их в обращение, можно получить прибыль.

«Норе и Локк писали свои работы одновременно, по одному и тому же поводу: *снижение процентной ставки и повышение достоинства денег государством*, — читаем мы в «Теориях прибавочной стоимости» К. Маркса. — Но развивают они самые противоположные взгляды. По Лок-ку, *недостаток денег* в обращении является причиной высокой процентной ставки и вообще причиной того, что вещи не продаются по их действительным ценам и что они не приносят всех тех доходов, которые должны получаться из выручки, доставляемой этими вещами. Норе, наоборот, показывает, что причиной этого является не недостаток денег в обращении, а недостаток капитала или дохода. У него впервые появляется определенное понятие о *stock* (запас, фонд, капитал.—Лет.), или *капитале*, или вернее о *деньгах* в качестве всего лишь *формы капитала*, поскольку они не служат средством обращения. У сэра Дад-ли Норса мы имеем первое правильное понятие о проценте в противоположность представлению Локка»¹⁷.

Как и Локк, Норе пытается представить процент на капитал по аналогии с рентой, получаемой с земли. «Тогда, — пишет К. Маркс, — для ходячего представления земельная собственность была еще первоначальной и респектабельной формой частной собственности, между тем как процент на капитал подвергался нападкам как ростовщичество. Поэтому Дадли Норе, Локк и др. изображали процент на капитал как форму, аналогичную земельной ренте, — совершенно так же, как Тюрго из существования земельной ренты выводил оправдание процента»¹⁸. Однако Норе, не останавливаясь на этом, ратует за развитие торговли, за производительное использование денег. Норе констатирует, что большая часть (⁹/ю) денег используется для поддержания роскоши земельных собственников, которые живут не по средствам, закладывают свои имения и разоряются. Производительное же использование денег для развития торговли, считает Норе, является главным фактором, способствующим снижению нормы процента. А такое снижение приведет к дальнейшему развитию торговли. Поэтому Норе выступает за понижение ставки ссудного процента.

3. Критика меркантилистской теории денег. Дж. Вандерлинт и Д. Юм

В критику меркантилизма большой вклад внес английский экономист Джейкоб Вандерлинт (ум. в 1740). Важную роль в развитии политической экономии сыграла вышедшая в 1734 г. в Лондоне его книга со звонким названием «Деньги соответствуют всем вещам, или Опыт о том, как сделать, чтобы у всех слоев населения было достаточно денег». В этой работе получили дальнейшее развитие многие выдвинутые Норсом положения. В частности, Вандерлинт продолжает начатую Норсом критику учения меркантилистов о торговом балансе. В отличие от меркантилистов, видевших в торговле надувательство одних наций за счет других, Вандерлинт доказывает, что пользу от торговли могут получить все участвующие в ней стороны. Торгующие страны не могут продавать свои товары, не покупая продуктов других стран. Равновесие торговых балансов устанавливается естественным путем, отражая достигнутый странами уровень экономического развития.

Сочинение Вандерлинта оказало большое воздействие на взгляды Дэвида Юма (1711—1776), которому принадлежит окончательная формулировка многих выдвинутых ранее идей о торговле, денежном обращении и проценте. «...Юм... остается и в области политической экономии почтенной величиной, — писал К. Маркс, — но здесь он менее всего может быть признан оригинальным исследователем... Влияние его экономических очерков на тогдашние образованные круги объясняется не только их превосходной формой изложения, но в еще гораздо большей степени тем, что они являлись прогрессивно-оптимистическим дифирамбом расцветавшим тогда промышленности и торговле...»¹⁹

В 1752 г. Юм издает «Опыты», посвященные актуальным проблемам политической экономии. В них вошли очерки «О торговле», «О деньгах», «О проценте», «О торговом

балансе», «О зависти в торговле», «О налогах», «О государственном кредите» и выдержки из писем по экономическим вопросам.

Как и Вандерлинт, Юм выступает за свободу международной торговли, рассматривая ее как взаимный обмен товаров одной нации на товары другой. «Если наши соседи не имеют ни искусств, ни культуры,— пишет Юм в очерке «О зависти в торговле»,— то они ничего не могут покупать у нас, потому что ничего не могут дать нам взамен». Поэтому «увеличение богатств и торговли какой-нибудь одной нации не только не вредит, но обыкновенно способствует развитию богатств и торговли всех ее соседей...»²⁰.

В отличие от меркантилистов, которые видели цель торговли в ввозе в страну драгоценных металлов, Вандерлинт и Юм считали, что страна выигрывает не только от ввоза продуктов, но и от их вывоза. «При помощи ввоза внешняя торговля доставляет материалы для новых мануфактур,— писал Юм в очерке «О торговле»,— а при помощи вывоза питает производство известных товаров, которые не могут быть целиком употреблены внутри страны. Одним словом, страна с развитым ввозом и вывозом должна обладать большим количеством промыслов — притом направленных на изготовление предметов роскоши и изящества,— чем государство, которое довольствуется своими туземными продуктами...»²¹

В очерке «О проценте» Юм развивает взгляды английского экономиста Джозефа Масси (ум. 1784), сформулированные в его книге «Опыт о причинах, определяющих естественную норму процента, где рассматриваются взгляды сэра Уильяма Петти и господина Локка по этому вопросу» (1750). В этой работе Масси пришел к выводу о том, что ставка процента регулируется не количеством денег в стране, а нормой прибыли. Вслед за Масси Юм считает, что процент составляет часть прибыли. «Высокая такса процентов,— пишет он,— обуславливается тремя причинами: большим спросом на ссуды, недостатком богатств для удовлетворения этого спроса и большой прибыльностью торговли, и эти причины свидетельствуют не о редкости золота и серебра, а о малом развитии торговли и промышленности»²².

С развитием торговли и промышленности ставка процента и норма прибыли понижаются, а низкий уровень процента в свою очередь способствует дальнейшему росту торговли и промышленности. Поэтому Юм считает, «что процент есть барометр государства и что низкая норма его почти безошибочно свидетельствует о цветущем состоянии нации»²³.

В теории денег Юм является последователем Вандерлинта. Критикуя меркантилистов, Вандерлинт и Юм отводят деньгам роль скромных посредников обращения. Деньги, по мнению Юма, «суть только орудие, которое люди, по общему соглашению, употребляют для того, что-

бы облегчить обмен одного товара на другой. Это — не одно из колес торговли, а масло, благодаря которому движение колес становится плавным и свободным». Богатство страны, считает Юм, составляют не деньги, а продукты и труд. «Деньги суть не что иное, как представители труда и товаров, и. е. они являются только средством вычисления и оценки последних. Так как при изобилии денег требуется большее количество их для представления того же количества товаров, то для нации, взятой в ней самой, это изобилие не может быть ни полезно, ни вредно,— все равно как ничего не изменилось бы в торговых книгах, если бы вместо арабских цифр, которые требуют небольшого числа знаков, стали употреблять римские, состоящие из большого количества знаков. Мало того: изобилие денег, подобно римским цифрам, даже стеснительно и неудобно, так как затрудняет перевозку и хранение денег»²⁴. Развивая это положение, Дэвид Юм впадает в крайность, приходит к количественной теории денег. Не случайно К. Маркс считает, что теория денег Юма — это «абстрактная противоположность монетарной системы»²⁵.

Действительно, теория Юма прямо направлена против меркантилистов. Если меркантилисты считали, что, чем больше денег в стране, тем лучше, так как это обуславливает рост торговли и промышленности, то Юм стремится доказать, что увеличение количества денег в обращении не означает роста богатства страны, но способствует лишь росту цен товаров. Поэтому он считает, что стоимость денег определяется их количеством,

находящимся в обращении, и представляет собой совершенно фиктивную величину. Более того, такой рост цен наносит вред внешней торговле данной страны, так как делает нацию менее конкурентоспособной. «Дороговизна всякого рода товаров,— пишет Юм в очерке «О деньгах»,— обусловленная изобилием денег, есть вредное последствие установившейся торговли и во всех странах останавливает ее развитие, давая возможность более бедным государствам продавать свои товары на всех иностранных рынках дешевле, чем могут продавать богатые»²⁶.

Объективной основой возникновения теории денег Юма явилась «революция цен» в Европе в XVI и XVII вв. Ввоз в Европу дешевого американского золота и серебра и понижение стоимости его добычи способствовали быстрому росту цен товаров. Эти исключительные условия Юм рассматривает как типичные, между тем как научный анализ требует прямо противоположного подхода². Это не могло не вызвать критику Юма со стороны меркантилистов, к числу которых К. Маркс относил Джеймса Стюарта.

4. Попытка защиты меркантилизма. Дж. Стюарт

Джеймс Стюарт (1712—1780) является последним меркантилистом. В своей работе «Исследование о началах политической экономии» (1767) он предпринял попытку систематизации взглядов меркантилистов. Поэтому К. Маркс начал с анализа его учения «Теории прибавочной стоимости». Заслугой Джеймса Стюарта является систематизация разбросанных по многочисленным произведениям идей меркантилистов. Вышедшая всего за девять лет до издания «Исследования о природе и причинах богатства народов» А. Смита, книга Дж. Стюарта отражала взгляды прошлого, XVII в. Однако именно приверженность меркантилизму спасла Дж. Стюарта от номинализма и количественной теории денег. Он начинает свой анализ денег с развернутой критики взглядов Юма и Монтескье. Стюарт показывает, что именно товарные цены определяют количество обращающихся денег. Заслугу его К. Маркс видит в том, что, несмотря на меркантилистские предрассудки, он выводит функции денег из самого товарного обмена. «Хотя его изложение,— пишет К. Маркс,— затемняется фантастическим взглядом на меру стоимостей, неопределенным представлением о меновой стоимости вообще и пережитками меркантилистской системы, тем не менее он открывает существенные определенности форм денег и общие законы денежного обращения, так как он не ставит механически товары на одну сторону и деньги на другую, а действительно развивает различные функции денег из различных моментов самого товарного обмена»²⁸.

Что же касается источника прибыли, Стюарт видит его в сфере обращения. В цене товаров он различает два элемента: их «действительную стоимость» и «прибыль от отчуждения». Последнее появляется в результате того, что товары продаются выше их стоимости. Он понимает, однако, что капиталисты выступают не только в качестве продавцов, но и в качестве покупателей. То, что они выигрывают как продавцы, они проигрывают как покупатели. И хотя Стюарт в отличие от меркантилистов не разделяет иллюзии о том, что прибыль, получаемая из сферы обращения, является «положительным увеличением богатства», все же он не сумел найти источник прибыли вне сферы обмена. Прибыль, по мнению Стюарта, «лишь *относительна*, так как выигрышу на одной стороне соответствует потеря на другой и поэтому движение прибыли сводится к «колебанию весов богатства между участвующими сторонами»²⁹. В этом главном вопросе Стюарт не вышел за рамки меркантилистской системы. Для того чтобы преодолеть меркантилистские представления, необходимо было осуществить анализ сферы производства, перенести вопрос о происхождении прибавочной стоимости из сферы обращения в сферу производства. Однако это открытие связано с именами классиков буржуазной политической экономии. Становление их учения было уже подготовлено критикой меркантилизма.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 630.

² Там же. Т. 2. С. 144.

³ Там же. Т. 26. Ч. I. С. 371.

- 4 *Локк Дж.* Избранные философские произведения в двух томах. Т. II. М., 1960. С. 18, 19, 26.
5 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 369.
6 Там же. С. 68.
7 Там же. С. 368.
8 Там же. Т. 13'. С. 145.
9 Там же. С. 62.
10 Там же. Т. 25. Ч. II. С. 161.
11 *Норе Д.* Очерки о торговле, трактующие главным образом вопросы о процентах, чеканке, обрезать, увеличении денег//*Меркантилизм.* Л., 1935. С. 307—308.
12 Там же. С. 316.
13 Там же. С. 308.
14 Там же. С. 317, 308, 309.
15 Там же. С. 300.
16 Там же. С. 314.
17 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. I. С. 367.
18 Там же. Т. 25. Ч. II. С. 171.
19 Там же. Т. 20. С. 250.
20 *Юм Д.* Опыты. М., 1896. С. 82, 80.
21 Там же. С. 13.
22 Там же. С. 38.
23 Там же. С. 47.
24 Там же. С. 20, 24.
25 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 165.
26 См.: *Юм Д.* Указ. соч. С. 22.
27 См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 13. С. 141 — 142.
28 Там же. С. 146.
29 Там же. Т. 26. Ч. I. С. 11.

Часть II (с. 158—166)

- 1 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 46. Ч. I. С. 473.
2 Там же. Т. 23. С. 87.
3 Там же. Т. 25. Ч. II. С. 147.
4 Там же. Т. 48. С. 8.
5 Там же. Т. 25. Ч. II. С. 365.
6 См. там же. Т. 9. С. 130—136, 224—230; Т. 12. С. 497—500; Т. 13. С. 7; Т. 20. С. 152, 166, 183—185, 647 и др.